ГОДЪ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1899

10.

САРАТОВСКАЯ КОММЕРЧЕСКАЯ СОБРАНІЯ

Стр.

177. Изъ писемъ **А. Я. Булгакова** къ его брату. 1809—1810 годы (по кончинѣ отца).

190. Воспоминанія **П. Н. Татлиной.** 1812—1854.

225. Воспоминанія **Н. Д. Богатинова.** 1864—1875. (Училища на Волыни.—Князь А. А. Ширинскій-Шахматовъ.—Попечитель Антоновичъ.—Служба въ Екатеринославѣ).

256. 1812-й годъ: I) Разсказъ священника Успенскаго собора **І. С. Божанова.** II) Письмо **Ю. Н. Бартенева** къ его матери.

281. Мореходная школа въ Холмогорахъ въ концѣ XVIII вѣка. **Іустина Сибирцева.**

297. Письма **А. А. Муханова** къ его брату. 1827—1829.

301. Къ біографіи Адама Мицкевича. 1828.

302. Письма **М. П. Погодина** къ В. А. Жуковскому. 1829—1846.

311. Дворъ великой княгини Елены Павловны. Изъ воспоминаній **М. Г. Назимовой.**

319. Неизвѣстная рукопись А. И. Манкіева (Ядро Россійской Исторіи). **П. И. Щукина.**

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1899.

ВОСПОМИНАНІЯ ПРАСКОВЬИ НИКОЛАЕВНЫ ТАТЛИНОЙ.

(1812—1854).

Дѣдъ мой, по отцу, былъ протоіерей Архангельскаго собора въ Москвѣ Петръ Алексѣевъ. О немъ съ благоговѣніемъ вспоминали въ семействѣ; разсказывали объ его отношеніяхъ къ митрополиту Платону, о томъ, что онъ подалъ записку о сокращеніи въ Россіи числа чернаго духовенства; говорили, что эта записка была доложена императрицѣ Екатеринѣ II. Все это говорилось, какъ я помню, съ большой опасливостью, озираясь по сторонамъ. Это пробуждало во мнѣ пытливость ума: я старательно вслушивалась, запоминала отдѣльныя слова, но мало понимала самое дѣло, а самостоятельно обдумывая слышанное, пришла къ заключенію, что дѣдъ мой былъ гордый человѣкъ. Этотъ выводъ былъ основателенъ: гордость составляла выдающійся недостатокъ его характера. Онъ образовался преимущественно вслѣдствіе того, что протоіерей достигъ высокаго положенія въ средѣ современнаго духовенства, благодаря своимъ личнымъ качествамъ, безъ всякой протекціи. Занять замѣтное положеніе (онъ былъ членомъ Академіи Наукъ и катихизаторомъ въ Московскомъ университетѣ), мнѣ кажется, помогли ему и ученость, и практическій умъ, умѣнье не упускать благопріятныхъ случайностей, рѣшительность и быстрота въ дѣйствіяхъ. Теперь я называю гордость Алексѣева недостаткомъ, но не такъ было прежде. Высокое почтеніе моего семейства къ Петру Алексѣевичу возбудило во мнѣ уваженіе ко всѣмъ безъ разбора духовнымъ качествамъ его, и гордость показалась мнѣ такимъ основаніемъ всего хорошаго въ человѣкѣ, что я усвоила ее себѣ и развила во всѣхъ дѣтяхъ своихъ. Почти всю жизнь свою я провела съ убѣжденіемъ, что гордость—основа честности, что гордость удерживаетъ человѣка отъ низкихъ поступковъ и вселяетъ въ него стремленіе улучшаться. Такія понятія поддерживалъ во мнѣ и отецъ, тоже горделивый человѣкъ.

И такъ, гордость укоренилась въ моей семьѣ прежде, чѣмъ я родилась. Годомъ моего рожденія считали 1808. Въ двѣнадцатомъ году отецъ управлялъ громадными имѣніями графа Шереметева. Съ этимъ

годомъ соединяются первыя воспоминанія въ моей жизни: очень грязная комната, очень толстое дерево и подлѣ него мохнатый человѣкъ на цѣпи, потомъ небольшая комната и много табакерокъ съ разными изображеніями на нихъ; дорога, по которой ѣдутъ экипажи и нѣсколько Арабовъ; сами мы ѣдемъ въ телѣгѣ, а отецъ идетъ пѣшкомъ, потому что на телѣгѣ нѣтъ мѣста; чувствую въ ногахъ неловкость и думаю, что тараканы черные залѣзли въ чулки; обращаюсь назадъ, все небо красное: это Москва горитъ. Была ли я приготовлена къ этому ужасу разговорами окружавшихъ, но я живо помню, что я не испугалась, а мнѣ сдѣлалось скучно. Мы остановились въ полѣ, я попросила иголку и лоскутковъ и стала сшивать ихъ. Въ крестьянской избѣ, гдѣ мы остановились отдохнуть, я не могу ѣсть деревянной ложкой и прошу серебряную; мать сердится, а даетъ. Пріѣзжаемъ въ большой домъ, въ которомъ много дѣтей, и я весело бѣгаю. Разговариваютъ о дѣвкѣ, которую утопилъ родной братъ, привязавъ камень на шею. Передъ окнами рѣка: это Волга. Мы не останавливаемся здѣсь, а ѣдемъ далѣе. Сколько времени продолжалось наше странствованіе, я не помню и не знаю, потому что мать не любила вспоминать о бѣдственномъ годѣ. Возвратный путь остался у меня въ памяти только по ночи, проведенной въ избѣ, въ которой мы спали на палатяхъ, а внизу было много мужиковъ. На другой день я съ отцомъ и матерью была у рѣки и видѣла, какъ выходили изъ барки какіе-то люди: ихъ зовутъ Французами, они сожгли Москву. Всеобщее горе было непонятно мнѣ; но впечатлѣніе, которое оно производило на старшихъ, не могло укрыться отъ моего младенческаго ума. Заболѣло мое маленькое сердце, когда моя мать горько плакала: отецъ ушелъ въ Москву.

Но вотъ и мы въ Москвѣ. Житье наше было стѣсненное. Въ большомъ домѣ мы занимали одну комнату, отецъ, мать, я, сестра, няня Пелагея и крѣпостная Анютка; въ этой же комнатѣ, въ Голландской печкѣ, няня варила намъ кушанье. Впослѣдствіи эта женщина сдѣлалась почетнымъ лицомъ въ моемъ семействѣ: она не только выняньчила меня и всѣхъ сестеръ и братьевъ, но и всѣхъ дѣтей моихъ, была жива при рожденіи первой внучки. Въ нянѣ Пелагеѣ выработался властолюбивый характеръ, поэтому она могла имѣть дѣло только съ дѣтьми и любила только маленькихъ дѣтей и преимущественно мальчиковъ; поставивши ихъ на ноги, она вселяла въ дѣтяхъ страхъ Божій и развивала зачатки нравственности. Когда же новыя жильцы міра позволяли себѣ самостоятельность въ сужденіяхъ, няня Пелагея грустно качала головой, отворачивалась, а въ сердцахъ и «тьфу» говорила. Она была набожна, хорошо знала порядокъ церковныхъ службъ и не выносила въ людяхъ несоблюденія религіозныхъ обрядовъ.

Знакомыхъ у насъ не было. Городъ былъ пустъ, такъ что, когда родился братецъ, я была крестною матерью, а дядя крестнымъ отцомъ. Мальчикъ умеръ: его закурилъ табакомъ двоюродный братъ; такъ говорили мать и няня.

Природа у меня была живая, веселая. Не помню, чтобъ я когда нибудь плакала. Тѣснота помѣщенія не производила во мнѣ досады, а хаосъ, въ которомъ лежала Москва, не былъ мнѣ ощутителенъ. А можетъ быть, и въ тѣ мои годы (какъ это было впослѣдствіи) няня умѣла удерживать меня отъ роптанія: она пользовалась всякимъ случаемъ, чтобъ говорить о терпѣніи и смиреніи. «Не гнѣви Бога ропотомъ», часто повторяла она. Наконецъ, въ моей дѣтской жизни случались обстоятельства, которыя отвлекали отъ горестныхъ чувствованій, если они подчасъ и навѣвались всеобщимъ бѣдствіемъ. Такъ какъ я была веселенькой, то скоро очутился около меня какой-то мальчикъ, немного старше меня, который сдѣлалъ на дворѣ печку изъ кирпичей, и я изъ песку пекла въ ней гречневики. Часто водила меня мать въ гости къ дядѣ, который жилъ тоже въ большомъ домѣ; изъ оконъ виднѣлась каменная стѣна, а подъ ней палатки, въ которыхъ жили Цыганы. Быстро бѣжала жизнь въ то время. Скоро стали съѣзжаться Москвичи, и городъ началъ обстраиваться. Общее горе сближаетъ людей, отношенія становятся сердечнѣе, и знакомства дѣлаются быстрѣе. Помню домъ какой-то богатой барыни, много прислуги, и въ домѣ все лучше, чѣмъ у дяди. Одна комната уставлена образами въ кіотахъ, масса золота и нѣсколько лампадокъ. Разъ, въ дѣвичьей я взяла ножницы, вошла въ гостиную и стала обрѣзывать ногти. «Что ты дѣлаешь! Развѣ прилично въ гостяхъ обрѣзывать ногти? На все есть свое время и мѣсто». Мнѣ дѣлается страшно стыдно, и я краснѣю. Въ другой разъ, у нея же, я налила чай на блюдечко и, стоя у стола, пью изъ него. «Что ты, теленокъ?» говорятъ мнѣ, и мнѣ опять страшно стыдно, и я опять краснѣю. Во второй разъ мнѣ никогда не приходилось указывать: я и тогда была очень горда.

Вотъ мы въ гостяхъ у сенатора, нашего родственника. Онъ главный попечитель графа Шереметева *). Великолѣпное устройство комнатъ. Вечеръ. Блестящее освѣщеніе. Мнѣ очень весело; я разгуливаю по всѣмъ комнатамъ, бѣгаю за ежомъ и попадаю въ спальню: на возвышеніи стоитъ кровать съ поражающими меня занавѣсками. Мнѣ очень нравится Прокопій Михайловичъ; я говорю ему, что онъ очень уменъ, всѣ смѣются.

*) Павла Ѳедоровича Малиновскаго. Онъ былъ не попечителемъ, а однимъ изъ опекуновъ малолѣтняго графа Д. Н. Шереметева. Сенаторомъ былъ его братъ Алексѣй. П. Б.

Мы устроились въ новомъ жилищѣ изъ четырехъ комнатъ, съ особой дѣтской. Мальчикъ, который дѣлалъ мнѣ печки, пришелъ поздравить меня съ новосельемъ и принесъ крендель; я была еще въ шлафрокѣ и побѣжала переодѣться, чтобъ принять крендель и поблагодарить за вниманіе. Къ намъ часто приходятъ старухи, которыя подолгу гостятъ у насъ. Мать все читаетъ имъ Четьи-Минеи; я бросаю свои игры и бѣготню по двору и слушаю, притаившись гдѣ нибудь въ углу; иногда становится очень страшно, но чтеніе интересуетъ меня, и я все слушаю. Когда я выучилась читать и кто училъ меня, не помню; но въ памяти моей сохранилось, что, часто бывая у дяди, я произношу выученныя наизустъ стихотворенія Ивана Ивановича Дмитріева, и дядя, конечно, одобряетъ меня. Въ то время я была еще очень мала, потому что дядины гости, которыхъ всегда бывало много, цѣловали мои пальчики и носили меня на рукахъ. Вся прислуга любитъ меня и называетъ милой барышней. Я начинаю замѣчать, что всѣ забавляются мною, и мнѣ очень весело. Дядя приглашаетъ танцмейстера, и я съ четырьмя дѣвочками моихъ лѣтъ, нашими родственницами, учусь танцовать разнохарактерные танцы; танцуемъ каждое Воскресенье. У дяди устраивается и домашній театръ. Играютъ и родные, и настоящіе актеры; между участвующими помнятся трое: Буденбранъ, двое Лобановыхъ, Лисицына, три двоюродные брата мои. Представленія кончаются нашими плясками: кто по русски, кто по цыгански, кто по казацки. Другой домъ, который мы посѣщали, принадлежалъ теткѣ. Разсказывали, что она ушла въ окошко и обвѣнчалась съ родственникомъ; она была красавица, а онъ безобразный. У нихъ въ домѣ я впервыя увидала обезьяну, попугая и сороку, а у лакея чижъ носилъ воду въ ведрышкѣ въ свою клѣтку.

Такъ просто, по принятымъ обычаямъ, и весело, какъ въ свѣтлые Майскіе дни, проходили дѣтскіе годы мои; но слѣды Наполеоновскаго нашествія существовали кругомъ нашего мирнаго дома. Меня окружала любовь родителей, родственниковъ и знакомыхъ, а во многихъ семьяхъ былъ плачъ по убитымъ и горе отъ потери имущества Если бъ я была постарше, то и тогда могла бы понять громаду бѣдствія, и вотъ по какому обстоятельству. Отецъ задумалъ купить землю, чтобъ выстроить домъ, такъ какъ бывшій у насъ до нашествія Наполеона сгорѣлъ. Подыскивая мѣсто для дома, отецъ исходилъ большое пространство по Москвѣ и всегда бралъ меня съ собою. Тогда-то я и увидала Московское пожарище, развалины, груды камней, обгорѣлыя деревья и много людей, кое-какъ ютившихся въ полуразвалившихся зданіяхъ. Истиннаго смысла этого пожарища я не понимала и, должно

быть, никто не желалъ объяснить мнѣ его, а потому развалины меня интересовали, но жалости или грусти не возбуждали.

Въ 1817-мъ году мы переходимъ въ собственный новопостроенный домъ. До девяти лѣтъ я воспитывалась въ религіозно-нравственномъ направленіи: слушала Четьи-Минеи, отецъ по Воскресеньямъ ходилъ со мной къ обѣднѣ, преимущественно въ монастыри, чаще всего въ Донской, гдѣ были похоронены дѣдъ мой и прочіе родные, не пропускалъ ни одного крестнаго хода, изъ которыхъ наибольшее впечатлѣніе производили на меня Успенскіе, начинавшіеся ночью и кончавшіеся съ разсвѣтомъ; въ этихъ торжественныхъ шествіяхъ съ иконами и хоругвями мое вниманіе часто останавливалось на какихъ-то женщинахъ въ парчевыхъ фатахъ. Новыя идеи, свѣтскаго характера, начали нашептываться мнѣ въ домѣ дяди. Я часто гостила у него и по вечерамъ въ гостиной слушала разговоры о Гришкѣ Отрепьевѣ, Петрѣ I, Мазепѣ, Наполеонѣ, Растопчинѣ; смутно слыхала о Новиковѣ, Походяшинѣ, Сперанскомъ и Карамзинѣ, о Николаѣ Чудотворцѣ и Аріи. Эти разговоры мнѣ нравились болѣе, чѣмъ Четьи-Минеи, во первыхъ потому, что это была не монотонное чтеніе, а во вторыхъ потому, что они давали моей любознательности болѣе обширную сферу. Доводя мою любознательность до сильнѣйшаго напряженія, эти разговоры, вѣроятно, положили основаніе тѣмъ взглядамъ, которые впослѣдствіи отличали меня отъ окружавшихъ меня людей. Личность дяди была обаятельна; я не спускала съ него глазъ, когда онъ говорилъ. Мать моя замѣтила это, и враждебныя чувства ея къ дядѣ усилились; врагомъ же своимъ она считала его за неправильный раздѣлъ имѣнія по смерти дѣда. Можетъ быть, и убѣжденія дяди не нравились моей матери; какъ бы ни было, а я получала большія непріятности отъ матери за дядю, но твердо выносила преслѣдованія и не измѣняла своей симпатіи. Дядя покупаетъ всѣ выходящіе переводы и оригинальныя сочиненія, имѣетъ ложу въ театрѣ. Я перечитываю все, что онъ имѣетъ; восхищаюсь Шписомъ и Радклифомъ, а нравоучительныхъ повѣстей г-жи Жанлисъ не люблю. Театральныя представленія болѣе занимаютъ меня, чѣмъ ученье. А учитъ меня приглашенный отцомъ Нѣмецъ. Онъ учитъ всему, а я ничего не понимаю. Нельзя сказать, что я не желала учиться; но умъ мой постоянно былъ занятъ прочитаннымъ и слышаннымъ; одну ариѳметику я любила и хорошо знала. Я очень любила женскія рукодѣлья, а въ дѣтской и въ кухнѣ нога моя не была; на маленькихъ дѣтей не могла смотрѣть, мнѣ дѣлалось тошно; такъ же противна была и кухня, а сильная привязанность была къ книгамъ. Исторію Карамзина я начала читать на второй годъ по выходѣ въ свѣтъ перваго тома, т. е.

въ 1819 году, читала съ начала до конца нѣсколько разъ и прочла въ послѣдній разъ въ 1842 году. Тогда взглядъ мой на Карамзина ужъ измѣнился, такъ какъ въ промежутокъ этого времени измѣнились мои отношенія къ ближнимъ: другія сочиненія дали новое направленіе моему мышленію и перемѣнилась моя жизнь. Въ родительскомъ домѣ вѣяли на меня идеи старо-Русскія. Бытъ устроенъ былъ на началахъ дореформенныхъ. Домъ былъ наполненъ старухами, тихими, приниженными, постоянно напоминавшими мнѣ о страхѣ Божіемъ. Мать моя называла себя многострадальнымъ Іовомъ, говорила, что человѣкъ безъ религіи погибшій, а отецъ часто повторялъ: не покланяйся никому, кромѣ Господа. Совсѣмъ иная атмосфера была въ домѣ дяди и у тетки, что выскочила въ окно. Пусть болѣе свѣдущіе люди рѣшаютъ, могла ли одиннадцатилѣтняя дѣвочка, безъ насилія, по собственному желанію, удерживать взгляды и понятія матери и устоять противъ соблазна идей, которыя слышались въ обстановкѣ веселой, жизнерадостной. Іовъ мнѣ совсѣмъ не нравился, но завѣтъ отца «никому не поклоняться» глубоко запалъ мнѣ въ душу. Впослѣдствіи я поняла, что моя мать была православная аристократка, а отецъ христіанинъ. Дядя не былъ ни тѣмъ, ни другимъ. И потому ли, что у меня была дурная природа (какъ мнѣ часто говорила это мать, когда я была за мужемъ), но я оставила отца и мать, съ ихъ высокими и мрачными идеями, и душою предалась дядѣ. Моя мать была проницательная женщина; она сразу замѣтила, что я остаюсь безучастной къ ея воззрѣніямъ; но она любила меня и не хотѣла разстраивать мое здоровье постоянными спорами; притомъ она иногда произносила фразу, которая какъ будто указывала на шаткость ея собственныхъ убѣжденій: не дѣлай своего бѣлаго, а дѣлай мое черное! Я никогда не могла понять этой фразы въ устахъ матери. Была ли это увѣренность въ силѣ своего авторитета, увѣренность, что дочь предпочтетъ своему бѣлому родительское черное, или это было хитростью съ ея стороны: снисходительно обѣляя мое поведеніе, она, можетъ быть, думала уменьшить силу моего упорства. Какъ бы ни было, но эти слова не оказывали на меня благодатнаго вліянія.

Однако, моя мать была дипломатка, и относительно дядина вліянія на меня случилось такъ, какъ она желала: оно было прекращено. Когда минуло мнѣ 14-ть лѣтъ, между отцомъ и дядей начали возникать такія ссоры, что прекратилось знакомство ихъ. Между тѣмъ, на мою духовную жизнь разрывъ съ дядей произвелъ дѣйствіе, совершенно противоположное тому, какого могла ожидать мама: я подверглась болѣе грозному воздѣйствію и окончательно антихристіанскому. За два года до прискорбнаго разрыва, дочь одной проживавшей у моей матери бѣдной попадьи

кончила курсъ ученія въ институтѣ и поступила гувернанткой къ маленькимъ дѣтямъ сенатора Яковлева. Когда библіотека дяди закрылась для меня, тогда эта гувернантка, въ угожденіе мнѣ, тайкомъ отъ моей матери, начала возить книги изъ библіотеки мизантропа Яковлева. Она сама не читала доставляемыхъ книгъ и о содержаніи ихъ не имѣла понятія. Это были сочиненія просвѣтителей XVIII вѣка и гремѣвшаго тогда Вольтера. Произведенія послѣдняго поразили, изумили меня: его взгляды были новы, а выводы неотразимы для меня. Однако, старыя понятія не уступали новизнѣ, и, по прочтеніи Вольтера, на меня напалъ такой страхъ, что я хотѣла бросить книги въ огонь; но онѣ были не мои. Никогда я не видала сновъ, болѣе страшныхъ, чѣмъ въ то время. Когда же бредъ прошелъ, и наступило успокоеніе, мое сознаніе, какъ я понимаю это теперь, вступило въ новую фазу развитія. Ничьи интересы не были близки мнѣ, я зажила особою отъ другихъ жизнью, и жизнь эта была пріятна мнѣ; ни къ чему окружавшему меня я не чувствовала симпатіи. Вотъ доказательство. Въ то время познакомились мы съ семействомъ, въ которомъ были двѣ дѣвушки старше меня. Разговоры ихъ вертѣлись о предметахъ любви. Вообще, онѣ были жалки мнѣ, а временами возбуждали смѣхъ и даже презрѣніе; но участія къ себѣ онѣ тогда не пробуждали во мнѣ, и я нисколько не интересовалась ими. О бракѣ я имѣла такое понятіе: родители не живутъ вѣчно и передаютъ дочерей младшимъ мужчинамъ, мужьямъ; эти мужчины становятся покровителями ихъ дочерей. Но я никогда не желала быть переданной молодому, потому что они всѣ не нравились мнѣ; я имѣла симпатію только къ старикамъ. Отъ матери я слышала, что такое разсужденіе безнравственно; не понимаю этого и теперь. Сочиненія Энциклопедистовъ развили во мнѣ желаніе критически относиться къ окружавшимъ меня людямъ. Я внимательно слѣдила за разговорами и отъ молодыхъ не услыхала ни одного умнаго слова: они показались мнѣ дураками; старики же говорили объ интересныхъ для меня предметахъ, и я уважала ихъ. Моя критика многихъ раздражала, а меня очень забавляло это. Произведенія Русской литературы рѣдко доходили до меня. Всѣмъ извѣстно, какъ относились тогда къ всему Русскому. Случайно ознакомлялась я съ нѣкоторыми сочиненіями Жуковскаго и Пушкина, а въ восторгъ пришла только отъ Грибоѣдова, комедію котораго переписала съ рукописи. Она произвела на меня тѣмъ большее впечатлѣніе, что я видѣла ее разыгранною въ частномъ домѣ. Мнѣ наступилъ восемнадцатый годъ.

Моя погибель. Мимо нашего дома нѣсколько разъ въ день на парѣ красивыхъ лошадей проѣзжалъ военный. Была зима. Лица, закрытаго

воротникомъ, я не видѣла, а султанъ на шляпѣ видѣла. Разъ, одна изъ приживалокъ обратилась ко мнѣ съ вопросомъ, нравится ли мнѣ этотъ военный и, не получивъ отвѣта, прибавила, что, въ случаѣ моего желанія, онъ пріѣдетъ просить моей руки. Я приняла это за шутку, и какъ же могла отвѣчать на нее какъ не взрывомъ смѣха! Приживалка словно комиссію получила вести сватовство и продолжала, что военный знаетъ наше семейство и желаетъ быть принятъ въ домъ. Но я и слушать перестала что̀ она говорила. Между тѣмъ, нянька моего брата, не понявши разговора, а можетъ быть, желая подслужиться матери, искаженно передала ей о нашей бесѣдѣ, и мнѣ досталось не меньше, чѣмъ губернаторской дочкѣ изъ-за Чичикова. Около этого времени мы были ночью разбужены повѣсткой, требовавшей отца къ присягѣ Константину. 9-го Января пріѣхалъ мой будущій мужъ. Онъ разговаривалъ въ гостиной, куда я и не заглядывала, протанцовавши весь вечеръ съ молодежью, которой ужъ очень много набралось тогда. Равнодушная къ окружавшимъ, я не догадывалась, что рѣшалась моя участь. 10-го Января было Воскресенье. Отецъ пошелъ со мной въ Донской монастырь, а снѣгу было такъ много на площади передъ монастыремъ, что я едва прошла. Вечеромъ отецъ и мать поѣхали къ военному человѣку. На другой день, утромъ, когда отецъ не приходилъ еще со службы, явился Петръ Васильевичъ. Я была въ это время наверху, въ своей комнатѣ. Когда пришли просить, чтобъ я сошла внизъ, со мной сдѣлалась лихорадка, забились зубы, и живо, вереницею, стали проноситься предо мной страшныя сцены изъ романовъ Радклифа, а дѣйствительная обстановка отошла въ сумрачную даль. Я смотрѣла на комодъ, но видѣла что-то иное, безформенное, не имѣющее ничего общаго съ комодомъ, что-то иное, чему и названія подыскать нельзя. Мнѣ казалось, что и мой организмъ видоизмѣнился, что я не та, что̀ была прежде, и что я могу разсматривать себя какъ нѣчто отдѣльное отъ своей персоны. Овладѣвши собой, стремительно сбѣжала я съ лѣстницы и вошла въ одну дверь гостиной, когда въ другую входилъ отецъ. Подойдя къ отцу, Петръ Васильевичъ сталъ на одно колѣно и что-то говорилъ ему. Отецъ что-то отвѣчалъ ему. Вставши, женихъ подошелъ ко мнѣ и, тоже ставъ на одно колѣно, сказалъ, что умѣетъ горячо любить и еще что-то. Отвѣчала ли я ему, не помню. Какъ желала я, чтобъ это было только комедіей! Но вечеромъ пришелъ священникъ, насъ благословили, и 24-го числа назначили свадьбу. Женихъ пріѣзжалъ каждый вечеръ; каждый вечеръ были гости, и двѣ недѣли прошли въ приготовленіяхъ, примѣриваніи платьевъ и поѣздкахъ по городу, а въ свободное время я читала романы Радклифа и какъ нарочно самые страшные. Я жила въ мірѣ фантазій, а изъ дѣйствитель-

ности понимала одно: я переходила изъ-подъ опеки отца подъ опеку мужчины, который сказалъ, что любитъ меня. Шаферомъ у меня былъ двоюродный братъ, очень расположенный ко мнѣ. Видно, вѣнецъ былъ очень тяжелъ, потому что онъ такъ держалъ его, что часто закрывалъ мнѣ глаза, и я едва удерживалась отъ смѣху. Когда ему замѣтили это, онъ сказалъ: сестра такъ хочетъ. Ну, я не хотѣла быть безъ глазъ, а у меня ихъ не было. Да къ чему они и теперь!....

Мой мужъ былъ воинъ, закаленный въ бояхъ съ Наполеоновскими войсками, имѣлъ Кульмскій крестъ и Георгія за храбрость, въ 1814-мъ году былъ въ Парижѣ. Онъ былъ стройный, съ горделивой осанкой и самоувѣреннымъ видомъ; поэтому кумушки повѣрили, что у него сто тысячъ капиталу и убѣдили въ этомъ мать. Онъ былъ вдовецъ и на семнадцать лѣтъ старше меня. О прежней женѣ своей, умершей скоро послѣ свадьбы, онъ ничего не говорилъ мнѣ. Чтобъ выпытать что-нибудь, я поддразнивала его и называла Синей бородой; въ отместку за это, онъ разсказывалъ сцены изъ жизни своего отца и дѣда. Онѣ были страшны: я вспомнила о нихъ, читая впослѣдствіи «Семейную Хронику» Аксакова. Грубый бытъ, въ которомъ возросъ мой мужъ, и военная простота того времени отражались въ его словахъ, когда онъ приходилъ въ негодованіе: тогда можно было услыхать такія выраженія, какъ свести женщину на конную, содрать съ живого кожу. Но онъ былъ очень добрый человѣкъ и страстно любилъ меня: когда родился первый ребенокъ, онъ отъ радости упалъ въ обморокъ. Его любовь ко мнѣ поселяла во многихъ зависть, и въ числѣ этихъ многихъ—странно сказать—была мать моя, которая впрочемъ тоже любила меня. Ея зависть, происходившая между прочимъ отъ воображенія, что мы богаты, а роднымъ мало помогаемъ, страшно портила мой счастливый характеръ. Я не осмѣливаюсь анализировать то чувство, которое на мгновеніе вспыхнуло во мнѣ, когда послѣ непріятнаго разговора мать злобно произнесла: какъ все ей благопріятствуетъ! Были безумныя, которыя завидовали даже тому, что мужъ ревнуетъ меня. Вѣдь ревность считали тогда высочайшимъ проявленіемъ чувства любви. Имѣвъ случай не на сценѣ и въ романахъ, которые лгутъ на дѣйствительность, наблюдать припадки безсмысленной ревности, я назову ее ярким проявленіемъ человѣческой тупости. Ревность обнаруживаетъ близорукость ума, отсутствіе логическаго мышленія, признаніе себя недостойнымъ любви ревнуемаго; ревность несовмѣстна съ гордымъ сознаніемъ своего достоинства, а съ другой стороны, недовѣріе, скрывающееся въ ревнивцѣ, оскорбляетъ человѣческое достоинство того, къ кому относится ревность. Если бъ мой мужъ сразу могъ понять меня,

онъ не ревновалъ бы. Во первыхъ, и тогда и послѣ, я была того убѣжденія, что замужняя женщина, интересующаяся романическими похожденіями, непремѣнно дура, женщина неспособная къ умственной дѣятельности, не умѣющая найти серіозной цѣли въ жизни. Во вторыхъ, гордость не дозволила бы мнѣ перемѣнить мужа на другого мужчину. Онъ былъ мой мужъ, — и довольно. Я умѣла найти въ немъ много прекрасныхъ качествъ и никому не позволила бы не уважать его, вслѣдствіе моей измѣны. А проявленія его неосновательной ревности доходили до ломанія столовъ. Случаевъ, ничѣмъ съ моей стороны не вызванныхъ, было очень много. Ограничусь приведеніемъ одного.

Однажды мы обѣдали у моего брата. Была весна, по Москвѣ-рѣкѣ шелъ ледъ. Послѣ обѣда братъ предложилъ мнѣ посмотрѣть на разливъ рѣки съ Каменнаго моста, находившагося близъ его квартиры. Я согласилась, а мужъ остался у брата. Возвратившись, я замѣтила, что мужъ сердится: онъ приревновалъ меня къ брату. Не сознавая за собой никакой вины, я смѣялась и весело шутила съ братомъ. Наступали сумерки. Петръ Васильевичъ заторопился домой. Хмурый вышелъ онъ на крыльцо и, садясь въ коляску, нервно крикнулъ кучеру: въ Хорошево! Хорошево—деревня въ 5 верстахъ отъ города, на Москвѣ-рѣкѣ. Какъ артиллеристъ, мой мужъ былъ охотникъ до лошадей. Тогда онъ имѣлъ пару бѣшеныхъ вороныхъ коней, съ которыми кучеръ едва справлялся. Эти лошади и прежде нѣсколько разъ разносили насъ; я боялась ѣздить на нихъ и терпѣть не могла ихъ. Мы помчались въ Хорошево. Я была ни жива, ни мертва. Я не пробовала говорить съ мужемъ, потому что онъ былъ страшенъ; но думаю, что и голоса-то у меня не было. Подъѣхавши къ рѣкѣ, мы остановились. Мужъ вѣжливо предложилъ мнѣ руку (онъ всегда учтиво, по-рыцарски, обращался со мной). Посмотрите на разливъ, прозвучалъ онъ. Рѣка красиво бурлила, озаряемая луннымъ свѣтомъ. Я тряслась и молчала. Постоявши немного, онъ тѣмъ же порядкомъ посадилъ меня въ коляску, и мы ночью возвратились въ Москву. Сначала такія выходки поселяли во мнѣ страхъ, а потомъ онѣ были смѣшны мнѣ. Не смотря на это, я любила мужа болѣе всѣхъ, кромѣ дѣтей, а онъ ревновалъ меня и къ нимъ, обижаясь, что я болѣе, чѣмъ для него, употребляю времени на заботы объ этихъ безпомощныхъ созданіяхъ.

И такъ, не ревность моего мужа составила горе нашей брачной жизни. Не раздражая Петра Васильевича, правдиво смѣясь надъ этимъ чувствомъ его, я отыскала примиреніе. Но я не могла примириться съ тѣмъ взглядомъ, который до сихъ поръ лежитъ въ основѣ всѣхъ отношеній Русскаго мужчины къ женщинѣ. Для него женщина есть вещь.

И такой взглядъ до поры до времени останется неизмѣннымъ, такъ какъ и мужчина-то нашъ не сознаётъ себя индивидуумомъ. А между тѣмъ Русская женщина, при нѣкоторыхъ условіяхъ, далеко опережаетъ сожителя въ сознаніи своей человѣчности. Онъ рабски влачитъ свое существованіе въ служебныхъ сферахъ, а женѣ предоставляется дѣйствовать какъ рабынѣ, но свободно мудрствовать. Вотъ почему мужчины называютъ насъ фантазёрками. Говоря аллегорически, мы дѣйствительно для нихъ фантазія. Но объ этомъ послѣ. У меня съ Петромъ Васильевичемъ были совершенно различныя понятія о жизни, были разные интересы въ жизни и различныя цѣли. Я нѣсколько разъ убѣгала отъ него къ родителямъ, хотѣла совсѣмъ убѣжать; но возвращалась, потому что безъ него я не могла бы провести въ своей жизни цѣли, которыя намѣтила. А цѣли у насъ были неодинаковы; но я говорю это не въ порицаніе своему мужу: разныя были у насъ жизни.

Отецъ его былъ суровъ и мало просвѣщенъ, общественнаго воспитанія Петръ Васильевичъ не получилъ, изъ дома родителей поступилъ въ военную службу, которая всякаго пріучитъ жить съ оглядкой; далѣе слѣдовала служебная практика, способная озадачить и воина съ Георгіевскимъ крестомъ. У Петра Васильевича выработался практическій взглядъ на жизнь и оробѣлость. Вотъ случаи, которые оправдываютъ его и вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждаютъ мой взглядъ на Русскаго мужчину вообще. По природѣ, мой мужъ былъ даровитъ и способенъ къ разнообразнымъ служебнымъ занятіямъ. Оставивши строевую службу, онъ сдѣлался инженеромъ. Однажды, красивыя лошади его, запряженныя въ коляску, стояли у магазина на Кузнецкомъ мосту. Къ тому же магазину подъѣхалъ инженеръ баронъ Ф. Завистливый баронъ спросилъ у кучера, кому принадлежатъ кони, потомъ что-то кому-то сказалъ, и чрезъ нѣсколько времени мой мужъ, заподозрѣнный въ казнокрадствѣ, лишился мѣста (а лошади были куплены на деньги первой жены его). Другой случай тоже изъ странныхъ. Генералъ Б., бывшій начальникъ Петра Васильевича, недалеко отъ Москвы устроилъ заводъ. У него были обширные планы. Чтобъ привести ихъ въ исполненіе, управляющимъ нужно было опредѣлить человѣка честнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ безусловно покорнаго. Вышколенный въ военной службѣ вполнѣ удовлетворялъ такому требованію. Мой мужъ работаетъ усердно: днемъ не бываетъ дома, а по ночамъ спитъ въ сапогахъ. Устроеніе завода заняло нѣсколько лѣтъ. Генералъ доволенъ. Моя дочь воспитывается (въ награду за усердіе отца) вмѣстѣ съ дѣтьми генерала, а гувернантка у нихъ (у дочери генер.-лейтенанта) учительница пѣнія, приглашена изъ

Италіи. Но въ головѣ владѣльца завода роятся дьявольскія намѣренія. Для осуществленія ихъ и нуженъ былъ человѣкъ, неспособный на доносъ и дисциплинированный до рабства. Моего мужа приглашаютъ подороже застраховать заводъ и сжечь его! Привычка подчиняться чужой волѣ была до такой степени сильна, что Петръ Васильевичъ не осмѣлился сразу возразить генералу. Растерянный, блѣдный, обезличенный, онъ прибѣжалъ ко мнѣ, ища нравственной поддержки, чтобъ отказаться отъ дурного дѣла. Онъ ни минуты не колебался, но въ немъ была заглушена рѣшимость протестовать. Черезъ нѣсколько дней мы выѣхали въ Москву. Заводъ, конечно, не горѣлъ, а мы бѣдствовали. Бѣдствіе состояло не въ потерѣ хорошаго денежнаго содержанія, такъ какъ мой мужъ быстро получилъ не худшее мѣсто, а въ потерѣ обстановки, очень благопріятной для воспитанія нашихъ дѣтей. Знаменитые учителя и учительницы занимались съ старшей дочерью и развили въ ней охоту учиться: Французскій языкъ она усвоила въ совершенствѣ, къ музыкѣ получила склонность. Когда порвалась связь съ домомъ генерала Б., мнѣ пришлось не только изобрѣтать средства къ продолженію образованія дѣтей, но и бороться за это образованіе. Обстоятельства клонили къ тому, чтобъ я отказалась отъ своего намѣренія; но отказаться было равнозначительно смерти. И вотъ почему. Тогдашняя литература укоренила во мнѣ убѣжденіе, что человѣкъ долженъ быть счастливъ на землѣ. Вѣдь это остроумно доказывалъ г. Карамзинъ. Хотя исторія и дѣйствительность не подтверждали этого взгляда, но я, наперекоръ всему, считала его непреложнымъ. Молодые люди думаютъ найти счастіе въ бракѣ, но онъ всегда приноситъ горе: любящіе другъ друга мучаются изъ-за любви, а ненавидящіе—изъ-за непріязни. Да мнѣ не нужно было и такихъ разсужденій, чтобъ сдѣлать оцѣнку брака: я жила въ бракѣ честно и добросовѣстно, неэгоистично и разсудительно, а онъ погубилъ меня. Въ силу одного этого сознанія я неизбѣжно должна была прійти къ желанію устранить свою дочь отъ брака; единственно этимъ я думала сдѣлать ее счастливой. Бракъ есть несчастіе, а человѣкъ долженъ быть счастливъ; слѣдовательно не нужно брака. Но вѣдь бракъ служитъ обезпеченіемъ женщинѣ, значитъ нужно найти другое обезпеченіе для дочери, нужно сдѣлать ее способной жить независимо отъ мужчины, дать ей надежную опору въ самостоятельной дѣятельности. И такъ, задача рѣшена: моя жизнь получаетъ осмысленность и озаряется благимъ стремленіемъ сдѣлать дочь счастливой посредствомъ музыкальнаго образованія.... И съ ужасомъ вспоминаю я теперь, что̀ я сдѣлала, что̀ я сдѣлала!

Борьба за образованіе своихъ дѣтей. Мой мужъ получилъ мѣсто въ Попечительномъ Комитетѣ о тюрьмахъ. Онъ очень дешево, за четыре

тысячи, купилъ небольшой деревянный домъ около Сухаревой башни, у хлыстовъ, которымъ запретили жить въ Москвѣ. Денежныхъ средствъ было достаточно, чтобы существовать; но мужъ любилъ комфортъ, любилъ угощать пріятелей; тщеславіе вынуждало его дѣлать лишнія траты, а мнѣ нужны были деньги на музыкальное образованіе дочери. Удовлетворить этимъ разнымъ требованіямъ не было никакой возможности: нужно было пожертвовать или тѣмъ, или другимъ. Петръ Васильевичъ не видалъ надобности вообще въ образованіи дочери, тѣмъ болѣе въ музыкальномъ. Когда я въ первый разъ изложила ему свой планъ воспитанія дѣтей, онъ былъ такъ изумленъ, что, должно быть, никакая бомба не производила на него такого эффекта. Онъ доказывалъ, что наше общественное положеніе не требуетъ такого воспитанія, какое я видѣла въ домѣ генерала Б, и что у насъ нѣтъ средствъ на выполненіе моей фантазіи: что мальчиковъ нужно отдавать въ казенныя заведенія, хоть, напр., въ Межевой Институтъ, а дѣвочекъ пріучать къ домашнему хозяйству. Мои родные были солидарны съ нимъ. Отца и дяди не было въ живыхъ. Мать имѣла свои причины не раздѣлять моихъ взглядовъ касательно расходовъ на воспитаніе моихъ дѣтей. У нея была дочь, очень несчастно вышедшая замужъ; она бѣдствовала съ маленькими дѣтьми; болѣло сердце матери, а помочь, по скудости своихъ средствъ, она не могла. Моей матери всегда казалось, что мой мужъ очень богатъ; подтвержденіе этого она находила и въ томъ, что я намѣревалась дать хорошее образованіе своей дочери. Съ ея точки зрѣнія, было гораздо добродѣтельнѣе воспитывать дѣтей такъ, какъ обыкновенно воспитывали въ нашемъ кругу, а остающимися деньгами оказывать помощь сестрѣ. Она не рѣшалась говорить объ этомъ съ мужемъ моимъ съ полною откровенностью; но, порицая мои планы, упрекая меня въ высокомѣріи, она поддерживала мужа въ убѣжденіи, что мои воспитательныя затѣи химера, навожденіе дьявола. Мой братъ воспитывался на казенный счетъ въ Сиротскомъ Институтѣ, кончилъ курсъ въ Университетѣ, но былъ пришибеннымъ человѣкомъ. По природѣ гордецъ, онъ замкнулся въ самомъ себѣ. Бывши свидѣтелемъ униженій и оскорбленій, всегда составляющихъ удѣлъ вдовы, сочувствуя матери и не имѣя силъ давать отпоръ наглецамъ, онъ сдѣлался воспріимчивымъ и крайне чувствительнымъ къ обидамъ. Во спасеніе себя, онъ тщательно избѣгалъ волненій, которыя приноситъ отважная борьба съ противорѣчіемъ. «Дѣлайте что̀ хотите, только оставьте меня въ покоѣ» было девизомъ его жизни. Такой человѣкъ не могъ быть пособникомъ въ моихъ начинаніяхъ. Одна сестра, по гордости, ушла въ монастырь, а самая младшая только лишь кончила курсъ въ Петербургскомъ институтѣ: непониманіе жизни и робость были отличительными качествами

ея въ то время. Слѣдовательно, въ семейной средѣ я не имѣла людей, которые безпристрастно отнеслись бы къ вопросу о воспитаніи, въ то время совершенно неразработанному у насъ: каждый вглянулъ на дѣло съ точки зрѣнія личныхъ интересовъ.

А общество? Вѣдь, говорятъ, оно должно быть заинтересовано воспитаніемъ гражданъ. Это «среда, въ которой совершается дѣятельность» народнаго самосознанія, развитіе и жизнь «народныхъ началъ» *). Такъ нужно сказать объ этой средѣ, но, конечно, только о той, въ которой я жила, въ которую ввелъ меня мой бракъ. Бо̀льшая часть нашихъ знакомыхъ были люди очень добрые, а злые какъ-то скоро отпадали. Но это относится только къ той серіи людей, которые окружали меня въ то время, когда я терзалась труднымъ вопросомъ о направленіи, которое предполагала дать первымъ дѣтямъ. Чаще всѣхъ посѣщалъ насъ Петръ Николаевичъ Н., помощникъ смотрителя пересыльнаго замка. Онъ былъ немножко образованъ, поэтическаго дара не имѣлъ, но слагалъ стихи, которые, впрочемъ, нигдѣ не печатались, а служили забавой въ кругу знакомыхъ. Онъ имѣлъ кое-какія свѣдѣнія изъ современной жизни и остроумно разсказывалъ, но завирался до помраченія ума. Такъ, онъ говорилъ, что воспитывался вмѣстѣ съ Байрономъ, способствовалъ побѣгу Наполеона съ острова Эльбы и получилъ отъ него табакерку, которая сгорѣла во время пожара; сынъ его былъ коронованъ лавровымъ вѣнкомъ въ Италіи. Онъ былъ готовъ оказать всевозможныя услуги нашему дому, но для рѣшенія важныхъ вопросовъ не имѣлъ познаній. Въ сосѣдствѣ съ нами имѣлъ собственный домъ Тихонъ Иларіоновичъ С., служившій въ Синодальной типографіи. Онъ считалъ себя остроумнымъ. Но остроты онъ выдумывалъ заблаговременно и, должно быть, съ большимъ трудомъ, такъ какъ его остроумія хватало только на одну фразу, которую онъ произносилъ входя въ гостиную или переднюю. Придя во время дождя, онъ таинственно произнесъ: пыль въ Москвѣ вздорожала, и разразился дѣтскимъ хохотомъ при всеобщемъ молчаніи. Затѣмъ, хихикая цѣлый вечеръ, онъ балясничаетъ, не заботясь о впечатлѣніи, которое производитъ на слушателей. Въ другой разъ, входя въ домъ, говоритъ: если бъ не было лѣстницы, какъ бы я пришелъ къ вамъ? при этомъ слѣдуетъ смѣхъ, и конецъ остроумію. Онъ имѣлъ добрую жену и троихъ дѣтей. Когда у насъ былъ пожаръ, онъ прибѣжалъ спасать насъ: топоромъ изрубилъ полуторааршинный карнизъ кіота съ образами и, не вынувши ни одной иконы, положилъ лампадку съ деревяннымъ масломъ въ задній карманъ

*) Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ.

сюртука и ушелъ домой. Ограниченный умъ Тихона Иларіоновича не допускалъ возможности серіозныхъ разговоровъ. Не мнѣ было обращаться къ нему за совѣтомъ; онъ самъ слѣдилъ за моими дѣйствіями, и когда я отдала сына въ Гимназію, онъ сдѣлалъ тоже; когда я настояла, чтобъ сынъ поступилъ въ Университетъ, въ Университетѣ очутился и сынъ Тихона Иларіоновича. Такимъ образомъ, путь къ образованію былъ проложенъ мною, и участія въ рѣшеніи воспитательнаго вопроса добрый чиновникъ Синодальной типографіи принимать не могъ. Но это было позже того времени, о которомъ вспоминаю.

Каждое Воскресенье проводилъ у насъ архитекторъ Илья Доримедонтовичъ, кроткій, ничѣмъ не интересующійся холостякъ, спокойный труженикъ. Выдающеюся дѣятельностью его въ нашемъ домѣ было то, что онъ садился на диванъ, клалъ одну ногу на другую, поочередно сажалъ моихъ маленькихъ мальчиковъ на кончикъ сапога и, держа за обѣ руки, качалъ ихъ. Живописецъ Озеровъ былъ идеаломъ смиренія; но онъ только показывалъ свои картины: кажется, никто не покупалъ ихъ. Онъ наивно удивлялся, если какая нибудь мысль входила въ его голову. Бѣднякъ жилъ вдвоемъ съ своимъ братомъ, прислуги у нихъ не было. Случайно завелась у нихъ лошадь, которую они очень полюбили. Но внезапно наступила дороговизна въ городѣ. Братьямъ и самимъ-то было голодно, а лошадь и совсѣмъ нечѣмъ было кормить. Озеровы долго горевали и не знали, что имъ дѣлать; посовѣтоваться ни съ кѣмъ не могли, потому что знакомства не имѣли и очень рѣдко выходили изъ дома. Но вотъ, съ сіяющимъ лицомъ приходитъ къ намъ живописецъ (другого брата я никогда не видала) и удивленно, умиленно разсказываетъ, какая необыкновенная мысль вошла ему въ голову: не спалъ цѣлую ночь, жалко мнѣ было голодной лошади; вдругъ вздумалъ отворить ворота и выгнать лошадь на улицу. Спрашиваю у брата, который, вижу, тоже не спитъ: о чемъ ты думаешь? О лошади, говоритъ онъ. Я ему и говорю свою мысль. Онъ обрадовался. Мы и выпустили на улицу лошадь. Зачѣмъ же вы не продали ея? спросили у живописца.—Да все равно: какой нибудь добрый человѣкъ возметъ ее.

Иванъ Ивановичъ Т. не принадлежалъ къ этому кругу людей. Онъ занималъ видное мѣсто въ Москвѣ и вращался въ аристократическомъ обществѣ; у него я встрѣчала знаменитаго Ермолова. Онъ былъ, какъ говорятъ, музыкантъ въ душѣ, очень любилъ играть на скрипкѣ, но игралъ безчувственно и не хотѣлъ или не умѣлъ соблюдать тактъ, игралъ, словно мужикъ дрова пилитъ. У Ивана Ивановича обо всемъ были традиціонныя понятія, и говорилъ онъ съ апломбомъ;

для своего круга онъ былъ человѣкомъ практическаго направленія, но оно было односторонне, а потому его сужденія были поверхностны и рутинны, когда касались дѣлъ невѣдомыхъ въ его кругу. Но сына своего онъ направилъ такъ, что онъ занимаетъ высокое мѣсто въ государствѣ.

Къ женскому персоналу знакомыхъ принадлежали двѣ старыя дѣвы, убитыя одинокою жизнью; сердитая дѣвица Вѣра Алексѣевна, дочь священника, по бѣдности проживавшая въ знакомыхъ ей семействахъ; акушерка Анна Алексѣевна, женщина строгая и рѣшительная, державшая своего мужа въ ежёвыхъ рукавицахъ (высказывая свои взгляды, она не терпѣла противорѣчій), свѣтская барышня Лиза, дочь полковника, напоминавшая Софью изъ комедіи Грибоѣдова; скромная, безотвѣтная, загнанная мачихой жена Тихона Прохоровича С. Вся эта прекрасная половина ничего не читала, слѣдовательно и не мыслила; ничтожество имя ей.

Мнѣ говорили родственники, что я не должна вырывать своихъ дѣтей изъ среды, къ которой они принадлежатъ; что дѣвушка, воспитываясь дома, приготовляясь быть женой и матерью, должна заниматься рукодѣльемъ, шить, вязать, вышивать въ пяльцахъ, словомъ: поменьше умственныхъ занятій и побольше практическихъ упражненій. Приготовлять дѣвочку въ рабыни, думала я, дѣлать ее вещью! Вотъ чѣмъ достигается обезпеченіе и счастливая жизнь. Это вздоръ! Моя теорія благороднѣе, чище, свѣтлѣе. Я сдѣлаю ее музыкантшей, она будетъ независимой. На фортепьяно она начала учиться съ семи лѣтъ. Однажды пріѣхалъ къ намъ Иванъ Ивановичъ Т., послушалъ игру Наташи, сидѣвшей на стулѣ со скамейкой подъ ногами, посмотрѣлъ на ея пальцы и увѣренно изрекъ: богатыя музыкальныя дарованія! Этого было достаточно: я убѣдилась въ правильности своихъ намѣреній и почувствовала силы идти намѣченный путемъ. На хозяйственныя сбереженія, отказывая себя въ чемъ могла, приглашаю Фанагина, ученика Фильда, учителемъ музыки, покупаю рояль Вирта, арфу; уроки пѣнія даетъ бывшая учительница въ домѣ генерала Б. И началась борьба. Мужъ бранится, дѣлаетъ сцены, потрясающія мои нервы; родные поддерживаютъ его; знакомые за спиной издѣваются, передаютъ мнѣ колкости, сказанныя на мой счетъ и о моей дѣвочкѣ, клевещутъ, изображаютъ меня какой-то еретичкой. Раздражаемая, въ пылу любви къ дочери и досады на препятствія, я усиливаю порывы дать ей умственное образованіе. Чѣмъ же его дать какъ не чтеніемъ? Я абонируюсь въ книжномъ магазинѣ Французскихъ книгъ Готье. Наташа читаетъ

Жоржъ-Занда, Бальзака, Сю, Виктора-Гюго и tutti quanti. Тогда нападки на меня окружающихъ сдѣлались смѣлѣе и ядовитѣе. Я не сознавала себя виноватой: я стремилась къ добру, но временами колебалась, слыша со всѣхъ сторонъ неодобреніе себѣ. Что ватага людей говорила вздоръ относительно воспитанія, мнѣ было ясно; но мои-то взгляды, понятія и дѣйствія правильными въ этомъ, по нѣкоторымъ признакамъ, я начала сомнѣваться. Мучительное раздумье охватывало меня. Я обратилась къ священнику. Пейте водочку, сказалъ онъ мнѣ. Я возненавидѣла... и заболѣла. У меня сдѣлалось что-то въ родѣ помѣшательства; согнулась спина, я не могла лежать; лѣчили меня холодной водой. Когда я оправилась отъ болѣзни, Иванъ Ивановичъ Т. началъ устраивать у насъ музыкальные вечера, пріѣзжалъ съ артистами, ввелъ Наташу въ домъ, гдѣ собирались артистки и любители музыки. Кто-то изъ нихъ сказалъ, что для усовершенствованія въ музыкѣ необходимо слушать хорошее исполненіе ея въ театрѣ. Въ это время въ Москву пріѣхала Нѣмецкая оперная труппа, а потомъ Итальянская. Мы ѣздили слушать Фенеллу, Роберта, Лючію, Люкрецію, Норму, Осаду Кориноа и пр.; концертовъ знаменитыхъ піанистовъ, Листа и другихъ, Наташа не пропускала.

И такъ, главная часть моего плана успѣшно выполнена: дочь артистка, владѣетъ двумя иностранными языками (впослѣдствіи она сама выучилась по итальянски), исторію Франціи знаетъ подробно. Музыка приводила ее въ восторженное состояніе, она забывалась за роялью, и, какъ герои Гофмановыхъ сказокъ, считала искусство выше жизни. Естественно, что на практическое примѣненіе искусства смотрѣла она презрительно. Безнравственно продавать свои знанія, говорила она.

Подросталъ первый сынъ. Опять борьба за образованіе. На среду я ужъ не обращала вниманія; разъ одержавши побѣду, я сдѣлалась отважнѣе, но трудно было уговорить мужа на новыя пожертвованія въ пользу высшаго образованія сына. Добрый былъ человѣкъ Петръ Васильевичъ, но дѣтей хоть въ школу кантонистовъ отдавай! А мнѣ нуженъ былъ Университетъ. Николай два года обучался въ Петро-павловской школѣ, а потомъ я сама повела его на экзаменъ въ 3-ю Гимназію. Директоромъ былъ Погорѣльскій. Мальчикъ удовлетворительно выдержалъ испытаніе въ первый классъ. Но директоръ завелъ такой обычай, что выдержавшихъ экзаменъ, для уразумѣнія умственныхъ способностей, подводили къ нему, и онъ давалъ замысловатые вопросы. Въ десяти яблокахъ сколько половинъ? спросилъ Погорѣльскій. Двадцать, отвѣтилъ сынъ мой. Дуракъ! Во всякомъ предметѣ двѣ половины. А какъ твоя фамилія? присовокупилъ мудрый директоръ. Николай обп-

дѣлся, и отвѣта не послѣдовало. Не принять. Мнѣ показалось это настолько смѣшнымъ, что сразу я не сообразила, какое горе произойдетъ отъ этой комедіи. Директоромъ 1-ой Гимназіи былъ камергеръ Окуловъ. Онъ немножко зналъ моего мужа, по военной службѣ. Съ трудомъ уговорила я Петра Васильевича обратиться въ 1-ю Гимназію. Директоръ согласился принять нашего сына пансіонеромъ въ пансіонъ, который онъ содержалъ въ собственной квартирѣ, съ платою по 500 рубл. за десять мѣсяцевъ. Выплачивать такую сумму намъ было очень тяжело, но за то Николай перешелъ во 2-й классъ. Продолжать платить на второй годъ не было никакой возможности.

Я поручила Петру Николаевичу Н. подыскать намъ домъ около 1-й Гимназіи, такъ какъ ходить каждый день сыну отъ Сухаревой башни на Пречистенку было немыслимо: задумала я продать домъ, въ которомъ жили, и купить другой.

Восхитительный тѣнистый садъ имѣли мы при домѣ. Сто квадратныхъ шаговъ неширокими дорожками было разбито на нѣсколько куртинъ, густо засаженныхъ малиной; въ серединѣ отдѣльныхъ участковъ возвышались яблони и груши; по бокамъ, около заборовъ, тянулись аллеи изъ акацій, мѣстами сидѣли кусты крыжовника и смородины. Куртины окаймлялись грядками съ цвѣтами. А самое уютное мѣсто образовалъ старый вязъ, подъ раскидистыми вѣтвями котораго стояли скамейки и столъ. Здѣсь въ лѣтніе вечера собиралась семья пить чай. Однажды, сидя подъ вязомъ, услыхала я голосъ приближающагося по извилистымъ дорожкамъ мужа и странные, отрывистые звуки шедшаго съ нимъ мужчины. Петръ Николаевичъ Н. привезъ продавца дома на Остоженкѣ, близъ 1-ой Гимназіи. Дѣловой разговоръ былъ конченъ въ кабинетѣ; мужъ пригласилъ продавца познакомиться со мной. Это былъ Петръ Васильевичъ Киреевскій. Онъ немного заикался, но любилъ говорить и говорилъ мастерски. Какъ славянофилъ, онъ тотчасъ выбралъ предметомъ разговора реформу Петра Великаго. Славянофильскіе взгляды были новы для меня; я иначе смотрѣла на древнюю Русь. Между нами завязался горячій споръ, и Киреевскій уѣхалъ, когда начало свѣтать. Домъ былъ купленъ. Но такъ какъ Киреевскій былъ плохимъ хозяиномъ, то потребовалось много времени, чтобъ привести домъ въ порядокъ. Въ теченіе этого времени Киреевскій часто пріѣзжалъ къ намъ, и разговоры наши были очень оживленны. Необыкновенное событіе прекратило это знакомство. Подъ тѣмъ же самымъ вязомъ онъ пилъ чай у насъ. Мужу вздумалось угостить его виномъ, и, кажется, самъ мужъ, а не служанка, принесъ бутылку вина. Киреевскій выпилъ бокалъ, глотнулъ немного чаю и вскорѣ уѣхалъ. Убирая со стола, увп-

дали, что вмѣсто вина Киреевскому былъ предложенъ уксусъ. Мужъ, конечно, тотчасъ поѣхалъ съ извиненіемъ; но Киреевскій былъ увѣренъ въ умышленности поступка. Съ переѣздкой на Остоженку, два сына поступили въ 1-ую Гимназію своекоштными. Черезъ нѣсколько лѣтъ оба кончили курсы въ Университетѣ. А безъ препятствій не обошлось. Для поступленія въ Университетъ, старшему сыну съ четвертаго класса нужно было учиться Греческому языку. Учитель этого предмета сказалъ Николаю: твой отецъ имѣетъ домъ; лучше бы было давать тебѣ уроки по гречески на дому, а то ты не перейдешь въ 5-й классъ. Оказалось необходимымъ пригласить этого учителя: онъ назначилъ три рубля за часъ. Я терзалась отъ такой дороговизны, но уговорила мужа платить. Занятія, конечно, шли успѣшно. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ пришлось сдѣлать какую-то справку въ Гимназіи. Я попросила знакомаго оказать мнѣ эту услугу...

Чтобъ собраться съ силами продолжать, я сдѣлаю перерывъ и разскажу объ этомъ знакомомъ. Григорій Александровичъ В. былъ Армянинъ, воспитывался въ Институтѣ Восточныхъ Языковъ, но, по неимѣнію средствъ, не кончилъ курса и поступилъ въ домъ князя Г. компаньономъ его сына. Когда князь женился на своей крѣпостной, положеніе Григорія Александровича въ княжескомъ домѣ сдѣлалось невыносимымъ: у княгини развилась чертовская склонность мучить другихъ, она быстро пріобрѣла пріемы унижать и выказывать презрѣніе. Григорій Александровичъ оставилъ домъ князя и поступилъ въ канцелярію моего мужа. Онъ былъ очень бѣденъ, онъ бралъ хлѣбъ изъ нашей кухни, уходя домой послѣ занятій; но умственное развитіе сдѣлало его другомъ мнѣ. Исполнивъ мое порученіе въ Гимназіи, Григорій Александровичъ вошелъ ко мнѣ блѣдный, какъ мертвецъ. Въ Гимназіи сказали, чтобъ изволили взять сына, а то его выгонятъ. Во время томительнаго вечерняго урока и усыпляющаго полусвѣта въ классѣ, Николай вырѣзалъ, вмѣстѣ съ товарищами, на казенной скамейкѣ Греческихъ героевъ въ шлемахъ. Было утро. Я въ чемъ сидѣла, побѣжала въ Гимназію. Такъ какъ всѣмъ былъ извѣстенъ П. инспекторъ, я просила доложить о себѣ директору. Грузный директоръ сошелъ ко мнѣ. Я объяснила ему какъ могла. Я пришлю къ вамъ инспектора, сказалъ начальникъ заведенія, потому что ничего не знаю. Не помню, что я говорила инспектору; но онъ повторилъ нѣсколько разъ: берите сына, или онъ останется на второй годъ въ 4-мъ классѣ. Я предлагала перемѣнить скамейку, но инспекторъ не перемѣнилъ рѣшенія. Цѣлую ночь я не спала; Греческіе герои въ шлемахъ мерещились мнѣ. Сынъ не будетъ въ Университетѣ, это казалось мнѣ несомнѣннымъ. А на Университетъ

я смотрѣла въ то время какъ на храмъ науки. Съ университетомъ соединялось у меня представленіе о возвышенномъ, разумномъ, благородномъ. Я считала цѣлью своей жизни дать дѣтямъ университетское образованіе. Что же мнѣ дѣлать, чтобы не выгнали сына изъ Гимназіи? Онъ, хорошо учившійся, оставаться на второй годъ не хотѣлъ, и сказалъ мнѣ, что сбросится съ крыши дома. Обратиться за совѣтомъ къ мужу? онъ изуродуетъ сына. Обратиться къ своимъ.... но у меня своихъ не было: они вмѣстѣ съ чужими все время насмѣхаются надо мной въ глаза и издѣваются, злословятъ за глаза. Я не спала и другую ночь. Сильное напряженія мозга въ одномъ направленіи возстановило въ моей памяти разсказы о какомъ-то заведеніи, которое, вслѣдствіе скандала въ немъ, закрыли, основавши вмѣсто него 4-ю Гимназію. На слѣдующій день я собрала кое-какія справки, и, когда мужъ уѣхалъ на службу, схватила сына и побѣжала съ нимъ въ домъ Пашкова. Директоръ Коншинъ выслушалъ меня, предложилъ инспектору проэкзаменовать сына и оставилъ въ Гимназіи, прося доставить документы. Тутъ есть часовня и въ ней образъ Страдавшаго за людей... Я молилась, и Богъ вразумилъ меня: не во всякой средѣ счастіе есть удѣлъ просвѣщеннаго человѣка, потому что образованность воспринимается народомъ исподволь.

Счастіе на минуту ухмыляется. Я стремилась дать дѣтямъ умственное образованіе, чтобы сдѣлать ихъ свободными. Женщина въ бракѣ рабыня. Въ пылу гнѣва и одурманенный виномъ (на что у насъ смотрятъ снисходительно) мужъ можетъ и толкнуть жену, а старушки успокоятъ: за каждымъ пинкомъ не угоняешься. А оскорбительная ревность, а мрачное тупоуміе! Развѣ они не создаютъ рабства? На сколько хватало разумѣнія, я разрушала обстоятельства, грозившія моей дочери бракомъ. Архитекторъ Илья Доримедонтовичъ, играя со мной въ карты, однажды сказалъ: знакомые спрашиваютъ меня, зачѣмъ я часто бываю у васъ, не хочу ли жениться? Вмѣсто отвѣта, я нарисовала на карточномъ столѣ меломъ дурацкій колпакъ. Вскорѣ и дочь, кажется, самостоятельно приняла участіе въ осмѣяніи Ильи Доримедонтовича. Случилось это такимъ образомъ. Собравшіеся у насъ гости, при разговорѣ, выразили сожалѣніе, что Петръ Васильевичъ Киреевскій, умный и разговорчивый собесѣдникъ, имѣетъ недостатокъ, сильно стѣсняющій его; кто-то шутя сказалъ, что лучше бы болтунъ Петръ Николаевичъ былъ заика. Архитекторъ хвастнулъ, что онъ сдѣлаетъ Петра Николаевича заикой. Пошутили и позабыли объ этомъ разговорѣ. Пришелъ канунъ Новаго года. Утромъ явился Петръ Николаевичъ и разсказалъ, что получилъ отъ архитектора записку съ просьбой притвориться у насъ

подъ Новый годъ заикой. Онъ зналъ о моей выходкѣ съ архитекторомъ по поводу его желанія жениться на дочери. Чтобъ привести сватовство къ концу, вмѣстѣ съ Наташей онъ придумалъ обидную для архитектора шутку. Вечеромъ, пришедшаго Илью Доримедонтовича посадили на диванъ. Изъ дѣтской медленно вышла процессія: впереди двигались меньшія дѣти, наряженныя въ домашніе костюмы, со свѣчами въ рукахъ, за ними двое старшихъ, изображавшіе маговъ, несли большой подносъ со стихами, сочиненными Петромъ Николаевичемъ:

Какъ катился народъ
Да отъ Яузскихъ воротъ
Славно!
Мудреца посмотрѣть,
На заику глядѣть.
Славно!
Тутъ мудрецъ приходилъ
И заику лѣчилъ
Славно!
Не заику лѣчилъ,
А самъ посъ получилъ.
Длинный.

На подносѣ лежалъ большой кокосовый орѣхъ съ запиской:

За этотъ за грѣхъ
Раскуси-ка орѣхъ.

Шествіе замыкала Наташа въ фантастическомъ нарядѣ. Увидавъ въ этой шуткѣ Малороссійскій обычай подношенія гарбуза мужчинѣ, за котораго дѣвушка не хочетъ выйти замужъ, Илья Доримедонтовичъ обидѣлся. Мужъ очень разсердился. Вечеръ разстроился, и даже не ужинали, потому что отецъ разбранилъ Наташу, а она была всеобщая любимица. Глядя на это происшествіе съ иной стороны, не съ той, какую видѣлъ мужъ, я была обрадована имъ: мнѣ было пріятно, что дочь не думаетъ о замужествѣ, и мнѣ представилось, что стремленіе касательно независимости дочери достигнуто.

Музыка безумитъ. Послѣ Крейцеровой сонаты и Войны и Мира графа Толстого можно понять, какое значеніе имѣетъ музыка для молодыхъ людей и какое вліяніе оказываетъ на нихъ атмосфера зрительнаго зала опернаго театра; но въ мое время ничего подобнаго не было въ литературѣ.

Я кое-что слыхала о любовной страсти, но анализировать ее не умѣла, сама никогда не ощущала ея въ себѣ, а въ другихъ считала болѣзнью, физическимъ разстройствомъ. Начала я замѣчать у Наташи

какіе-то странные взгляды, непріятные. Рѣчь ея становилась отрывистой, мысли перебѣгали отъ одного предмета къ другому. И наконецъ, я увидала цѣлованіе портрета тенора Итальянской труппы Сальви. Очень деликатно я сдѣлала замѣчаніе дочери. Боже мой, что я услыхала! Теперь ко всему этому привыкли, но тогда для меня это было убійственной неожиданностью. Она сказала, и страшно сказала, что хочетъ влюбиться, въ кого бы то ни было влюбиться.

А отецъ! Онъ сдѣлалъ пренебрежительную гримасу. Много лѣтъ прошло съ того времени; но и теперь я не забыла тѣхъ пытокъ, какія испытала. Я поняла ясно, что все зданіе, на которое я потратила столько своихъ нравственныхъ силъ и средствъ моего мужа, рухнулось, что остался одинъ висящій камень, который рано или поздно упадетъ на мою голову. Такъ и случилось. Ужасный бракъ совершился. Но не рабой сдѣлалась моя дочь, а мученицей.

Каждое сложное явленіе происходитъ не отъ одной, а отъ нѣсколькихъ причинъ; главнѣйшею причиною несчастія, которое случилось съ дочерью, я признаю музыку. Романы пробуждаютъ чувства, растраиваютъ нервы; но, какъ всякая книга, дѣйствуютъ и на разсужденіе; ихъ вліяніе не односторонне. Въ книгѣ человѣкъ чаще всего отыскиваетъ то, что подтверждаетъ его взгляды, что ему мило, или во что онъ вѣритъ. Инымъ молодымъ людямъ смѣшны героини Жоржъ-Занда, инымъ не отвратительны герои «Мертвыхъ Душъ». Читающій знакомится съ воззрѣніями автора, когда уже имѣетъ кое-какія понятія, съ которыми ничто не препятствуетъ ему сравнивать новыя воззрѣнія; такимъ образомъ книга будитъ сознаніе, а не угнетаетъ его. Вліяніе же музыки, т. е. возбужденіе въ любителѣ однообразныхъ чувствованій, неотразимо. Отъ подчиненія музыкѣ можетъ быть свободенъ только тотъ, кто не терпитъ ея. Я никогда не слыхала, чтобъ кто-нибудь заболѣлъ отъ чтенія романа, а отъ музыки нервы разстраиваются; немало музыкантовъ и съ ума сошли.

Чтобъ подготовить второго сына въ Гимназію, инспекторъ студентовъ Нахимовъ отрекомендовалъ намъ бѣднаго немолодого студента. Онъ былъ блѣденъ и худъ, съ выразительными глазами; труды и лишенія изморили его; голосъ его былъ хриплый. Онъ держалъ себя робко, испуганно; ходилъ по стѣнкѣ и садился на кончикъ стула. Уроки давалъ каждый день, кромѣ Субботы; назвалъ себя Лютераниномъ. Такъ какъ я всегда сочувствовала бѣднякамъ, а дочь еще болѣе меня, то студентъ скоро освоился съ нашей семьей, началъ называть старшую дочь Таничкой, а вторую Катей и безцеремонно плевалъ посреди ком-

наты. По Воскресеньямъ онъ оставался у насъ цѣлый день и велъ разговоры, которые обнаруживали достаточныя историческія познанія. Студентъ часто излагалъ Еврейскую мартирологію, говорилъ пылко, и видимо, старался произвести эфектъ.

Наташа продолжала увлекаться пѣвучими произведеніями Мендельсона. Мы часто бывали въ оперѣ. И получились результаты: однажды, возвратившись изъ театра, Наташа упала въ обморокъ; ночью обнаружился жаръ, бредъ, и она надолго слегла въ постель. Лѣчили ее знаменитый Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ и докторъ Ясинскій. Послѣдній сказалъ, что онъ приписываетъ болѣзнь не простудѣ, а какому-нибудь нравственному потрясенію. Наташа была большую часть времени въ безпамятствѣ, въ сознаніе приходила рѣдко. Я умоляла докторовъ спасти ей жизнь; но мнѣ казалось, что это невозможно: такъ быстро и ужасно развивалась болѣзнь. Въ безсонныя ночи и тревожные дни я старалась отыскать причину ея болѣзни. Естественно было остановиться на мысли, что она влюблена. Но приведя себѣ на память все предшествовавшее ея болѣзни и отношенія ея къ окружавшимъ лицамъ, я убѣдилась, что влюбленности у Наташи не было въ какое-нибудь опредѣленное лицо изъ числа нашихъ знакомыхъ. Вслѣдствіе чтенія у нея образовалось идеальное представленіе мужчины; въ дѣйствительности ничего подобнаго не встрѣчалось; поэтому, при всемъ желаніи влюбиться, она была равнодушна къ молодымъ людямъ, отношеніе къ нимъ постоянно было насмѣшливое. Выдающимся лицомъ былъ студентъ, приготовлявшій сына въ Гимназію. Но совокупность нѣсколькихъ фактовъ дѣлала очевиднымъ, что студентъ не занималъ ея воображенія. Приведу одинъ. Мужъ какъ-то сказалъ, что онъ ревнуетъ Наташу къ студенту; ей передали это; Наташа обидѣлась: подумать, что я выйду замужъ за эту замухрышку, это ужъ ни на что не похоже!

Но вотъ сами доктора начали отчаеваться въ выздоровленіи. Мужъ и я измучились отъ безсонныхъ ночей и постояннаго волненія и попросили хорошую знакомую посидѣть ночью у постели больной. Но она ушла въ сосѣднюю комнату и заснула отъ утомленія. Замѣтивши это, вторая дочь моя, четырнадцати лѣтъ, и сынъ, двѣнадцати, пробрались въ комнату, гдѣ лежала Наташа, и сѣли на полу у печки. На столѣ лежали порошки и стояла микстура. Дѣти замѣтили, что какъ только больная приметъ лѣкарство, тотчасъ заснетъ. Посовѣтовавшись другъ съ другомъ, они стали давать ей поперемѣнно то одно, то другое лѣкарства, не наблюдая сроковъ, а вслѣдъ за тѣмъ, какъ она открывала глаза. Въ три часа ночи Наташа проснулась съ ясными гла-

зами и совершенно осмысленно спросила: гдѣ маменька? Я прибѣжала на зовъ дѣтей. Началось выздоровленіе.

Развившаяся отъ музыки болѣзнь Наташи произвела въ ней перемѣну: измѣнился образъ мышленія ея, исчезла прежняя насмѣшливость надъ молодыми людьми, оказалась раздражительность. По временамъ, она останавливалась въ саду посреди дорожки, безъ движенія, съ открытыми, но не видящими глазами; если коснешься или заговоришь съ ней, упадетъ. Это былъ моментъ физическаго разстройства и умственнаго разслабленія. Жизнь есть страданіе, говорила она; нужно жертвовать собой, а не добиваться счастія, потому что его нѣтъ на землѣ. Студентъ, имѣвшій видъ угнетеннаго, началъ въ то время сильно интересовать Наташу. Онъ сказалъ ей, что принадлежитъ къ націи, которую не терпятъ христіане, разсказывалъ о бѣдности, въ которой Евреи живутъ на Югѣ, о терпѣливо переносимыхъ ими страданіяхъ и проч., и проч. Фантазія доброй дѣвушки стала созидать планы помощи, которую она могла бы оказать несчастному. Въ мірѣ фантазіи все возможно, искаженію дѣйствительности нѣтъ предѣла; но предметъ фантазіи, какъ собственное творчество, всегда окажется любезнымъ. Отецъ не согласился на бракъ дочери съ перекрестившимся Евреемъ; но приходскій священникъ уговорилъ его дать согласіе. Встрѣтились препятствія со стороны университетскаго начальства; они были отклонены вліяніемъ митрополита Филарета. Бракъ состоялся, и черезъ нѣсколько лѣтъ тягостной жизни и самопожертвованія дочь лишилась разсудка. Она воспитывалась не для той среды, въ которой пришлось жить. Много лѣсу темнаго, да нѣтъ дерева годнаго.

Вскорѣ на нашу семью обрушилось новое несчастіе.

Въ пансіонѣ директора Гимназіи репетиторомъ былъ студентъ медицинскаго факультета Левъ Ефимовичъ, уроженецъ западной губерніи. Онъ десять лѣтъ пробылъ въ Университетѣ, былъ очень тихъ и скроменъ, часто посѣщалъ нашъ домъ для миролюбивыхъ разговоровъ, любилъ слушать музыку и на праздникахъ устраивалъ дѣтскія игры.

Въ политическомъ отношеніи онъ былъ безупреченъ.

Однажды Левъ Ефимовичъ печалился, что двумъ студентамъ не позволяютъ повидаться въ тюремномъ замкѣ съ отправляемыми въ Сибирь двумя Поляками, знакомыми ихъ.

Мой мужъ не отказался переговорить объ этомъ съ тюремнымъ смотрителемъ. Студентамъ разрѣшили повидаться съ ссылаемыми Поляками, но чрезъ нѣсколько лѣтъ мужъ мой былъ отданъ подъ судъ,

и, до рѣшенія дѣла, устраненъ отъ должности. Дѣло тянулось очень долго, такъ какъ, пройдя всѣ судебныя инстанціи до министра юстиціи, вслѣдствіе разногласія членовъ, было возвращено для пересмотра.

Между прочимъ, Петру Васильевичу было поставлено въ упрекъ, что онъ купилъ пересылаемымъ въ Сибирь политическимъ ссыльнымъ самоваръ и два ковра на ноги. Удрученный неизвѣстностью исхода уголовнаго дѣла, мужъ умеръ. По смерти его, вышло рѣшеніе: оставить въ сильномъ подозрѣніи и на службу въ тѣ учрежденія, гдѣ находятся арестанты, не принимать.

Нравственной поддержки отъ людей я никогда не имѣла, а теперь лишилась и матеріальной.

Воспитаніе второй дочери. Съ того времени какъ замужняя жизнь потребовала отъ меня воспитанія дѣтей, я начала анализировать себя, вдумываться въ особенности своего характера, наблюдать за своими поступками; я старалась уразумѣть, въ чемъ состоитъ добро и что такое зло. Сочиненія Платона, которыя я нѣсколько разъ перечитывала, дали мнѣ извѣстное, платоновское, представленіе жизни; но я упорствовала въ убѣжденіи, что человѣкъ на землѣ долженъ быть счастливъ и что для этого ему слѣдуетъ, по возможности, быть самостоятельнымъ. Когда у первой дочери я подмѣтила непреодолимое и никогда неизвѣданное мною желаніе влюбиться, я поняла, что, образовывая изъ дѣвушки гувернантку или учительницу музыки, нельзя отклонить ее отъ замужества. Потерявъ довѣріе къ могучей силѣ образованности, конечно, только для женской натуры, я, въ сердцахъ и съ отчаянія, оставила вторую дочь безъ образованія: она только два года ходила въ Петропавловскую школу. Разумѣется, это было только временнымъ ослѣпленіемъ моимъ, результатомъ несбывшихся надеждъ. Мои размышленія были таковы: путь, который я избрала при воспитаніи первой дочери, не приводитъ къ намѣченной цѣли, — поведу другую иначе. Преслѣдуемая мною цѣль осталась таже самая, независимость, самостоятельность; но средства другія: упражненіе въ практическихъ занятіяхъ, пріученіе къ домашнему хозяйству, къ рукодѣлью. Я намѣревалась образовать изъ дочери серіозную мастерицу, способную управлять какимъ-нибудь обширнымъ заведеніемъ. Несомнѣнно, что мнѣ удалось бы это, если бъ не помѣшала среда, въ которой я жила. Произошелъ случай непостижимый, или, лучше сказать, понятный только тому, у кого нѣтъ логики въ головѣ. Когда я, съ горячностью любящей матери, терзалась отъ затрудненій дать старшей дочери умственное образованіе, а родственники и знакомые издѣвались

надо мной и порицали, и я порѣшила, для пользы же второй дочери, не обучать ея музыкѣ и Французскому языку, укорамъ и злословію не было конца. Забавно было то, что раскипятились сердцемъ люди, принадлежавшіе къ средѣ, въ которой женскій умъ не считали способнымъ къ наукѣ и на женщину смотрѣли какъ на существо низшее, придаточное къ мужчинѣ: между образованными людьми 40-хъ годовъ были споры о пригодности женскаго образованія, да и въ настоящее время въ Россіи большинство нетрезво смотритъ на это дѣло.

Меня упрекали въ томъ, что одной дочери давалось образованіе, а другой нѣтъ; но меня справедливо можно было упрекнуть только въ томъ, что я на образованіе смотрѣла съ практической стороны, лучше сказать, какъ на средство для достиженія посторонней цѣли практическаго характера. А что касается разницы въ воспитаніи дочерей, такъ по этому пункту я защищаю себя слѣдующимъ. Образованность понималась въ тогдашнее время фальшиво, и мною, и другими; въ составъ его входило многое, что̀ не нужно, и не вносилось то, что̀ необходимо—почти такъ же, какъ и теперь. Сама жизнь раскрывала передо мной ложность образованія: я потеряла довѣріе къ нему. Но кромѣ того, была и другая, самая важная причина разницы въ воспитаніи моихъ дочерей: на образованіе второй дочери у меня не было денегъ. Подростали мальчики: имъ нужно было дать университетское образованіе.

Но окружавшіе меня не вѣрили, что у насъ не было денегъ на образованіе второй дочери, и клеймили меня скаредной, несправедливой, ненавидящей свою дочь. Понятно, какое впечатлѣніе производило на дѣвочку это злословіе. И такъ смущалась душа ея очевидной разницей между воспитаніемъ ея и образованностью сестры: ее не занимаютъ игрой на арфѣ и на рояли, не обучаютъ иностраннымъ языкамъ, для нея не пріѣзжаетъ со скрипкой важный аристократъ, Иванъ Ивановичъ Т.; у нея, вмѣсто Французскаго романа, въ рукахъ ключи отъ чулана и погреба. Ей естественно было прійти къ мысли, что мать не любитъ ея: вѣдь и посторонніе ропщутъ за нее на мать. Она ни въ чемъ не виновата, скромна, послушна, усердна, любитъ учиться, а мать дѣлаетъ ее несчастной; какъ же не возроптать, какъ же не почувствовать къ матери горькаго нерасположенія? И дочь возмутилась противъ матери. Какъ я ни старалась разъяснять знакомымъ и родственникамъ, что у меня нѣтъ дурныхъ чувствъ къ дочери, что я веду ее иначе изъ желанія ей добра,—все тщетно. Среда была вполнѣ неправа, а дочь я оправдываю совершенно. Я не скажу, что она по-

нимала наши отношенія; но она правильно чувствовала то, въ чемъ мнѣ было больно признаться самой себѣ: я любила вторую дочь менѣе, чѣмъ первую; но любовь къ ней не была слабѣе той, какую имѣютъ вообще родители къ дѣтямъ. Первая любовь была страстью, увлеченіемъ, забвеніемъ самой себя, а вторая была тихимъ, безкорыстнымъ желаніемъ добра и счастія, безъ самопожертвованія. Разумѣется, разница велика и притомъ очень замѣтна, тѣмъ не менѣе она естественна. Первая дочь была не только плотскимъ созданіемъ моимъ, но и духовнымъ: въ ней я видѣла результаты своего мышленія, результаты моей нравственной борьбы, плоды моей фантазіи, какова бы она ни была, а человѣкъ страстно любитъ только то, что составляетъ его свободное собственное твореніе.

Существуетъ неразумное мнѣніе, что женщина любитъ своего ребенка потому, что въ страданіяхъ рождаетъ его. Это мнѣніе опровергается тѣмъ, что бываютъ матери, которыя совсѣмъ не любятъ своихъ дѣтей; да кромѣ того, страданіе есть несчастіе, а несчастіе любить нельзя: страданіе при родахъ скорѣе можетъ возбудить ненависть къ дѣтямъ, чѣмъ любовь. Но она не возбуждается, и страданіе предается забвенію. Это происходитъ отъ того, что женщина исполняетъ свое назначеніе быть творцомъ. Чѣмъ свободнѣе отдалась женщина мужчинѣ, тѣмъ любезнѣе ей результатъ брака, а принужденные браки (которые собственно и составляютъ то, что нужно назвать сожительствомъ для приплода) не даютъ ручательства материнской привязанности къ дѣтямъ. Физическое рожденіе есть и у животныхъ, слѣдовательно его недостаточно для человѣческихъ отношеній; необходимо духовное рожденіе. Русская семья въ послѣднее время распадается; это отъ того, что нѣтъ духовной связи между родителями и дѣтьми, что родители перестали быть духовными творцами своихъ дѣтей.

Возвращаюсь къ прерванному разсказу. Для второй дочери я не могла приглашать учителей; но стремленіе къ образованію уже было въ семьѣ, старшая дочь и два сына гимназиста сообщали семьѣ опредѣленное направленіе, и вторая дочь самостоятельно пошла по слѣдамъ сестры и братьевъ. Она сама выучилась по-французски, въ такой мѣрѣ, что обучала этому языку въ частныхъ домахъ. Другимъ предметамъ она выучилась по книгамъ. Любимымъ предметомъ ея была исторія: многотомное сочиненіе Шлоссера она прочла нѣсколько разъ. Хозяйство не интересовало ея; у нея было одно желаніе — обогатить свой умъ познаніями. Она хорошо ознакомилась съ лучшими писателями Западной Европы и Россіи, обративъ особое вниманіе на сочи-

ненія педагогическія, такъ какъ посвятила свою жизнь учительской дѣятельности. Въ Малороссійскомъ помѣщичьемъ обществѣ она пользовалась такимъ авторитетомъ, что безконтрольно воспитывала дѣтей, пока имъ нужно было воспитаніе. Замужъ она не вышла.

Когда Катерина была молода, когда видѣла исключительную заботливость объ образованіи старшей сестры, когда отчаевалась превозмочь трудности самообразованія, характеръ ея былъ безпокойный; она раздражительно высказывала мнѣ педовольство моими распоряженіями, нервно осуждала мои взгляды и убѣжденія. Знакомство съ дѣйствительностью и съ прошлою жизнью человѣчества умиротворили ее; къ абсолютной честности, составляющей основу ея характера, присоединились трезвая снисходительность и безпредѣльная любовь къ сестрамъ и братьямъ. Не получивъ ни пансіонскаго, ни институтскаго образованія, Катерина сдѣлалась гувернанткой, и, получая скудное содержаніе, помогала женатому брату, не кончившему гимназическаго курса. Я не хочу унижать другихъ дѣтей моихъ, но никто изъ нихъ не можетъ равняться съ ней въ безкорыстной любви и самоотверженности. И ее-то я любила меньше всѣхъ и для другихъ забывала ее въ тяжелыя минуты ея жизни! Я никогда не прощу себѣ этого и никакими своими чувствами не расплачусь съ ней. Катерина—выдающаяся изъ Русскихъ дѣвушекъ, я не видала ей подобной и позволила другимъ заслонить ее! Мои бѣдствія образумили меня, и я почитаю ее. Насъ обѣихъ выработала жизнь.

Московскій Университетъ, въ которомъ, послѣ смерти мужа, окончили курсы мои два сына, оказалъ нѣкоторое вліяніе и на мое умственное развитіе. Первый сынъ поступилъ на математическій факультетъ. Когда кто-то спросилъ его, почему онъ избралъ отдѣленіе чистой математики, онъ сказалъ: потому что оно труднѣе. Это приводитъ на память подобный же отвѣтъ второго сына. Будучи на послѣднемъ курсѣ историко-филологическаго факультета, онъ задумалъ жениться на дѣвушкѣ, которая ничего не имѣла. Вѣдь трудно будетъ жить безъ денежныхъ средствъ, сказали ему. За то сразу я попаду въ море житейское. Университетъ оказалъ на меня вліяніе слѣдующимъ образомъ. У сыновей собирались студенты, которые передавали или спорили о лекціяхъ профессоровъ; я или слушала или вступала въ препирательства. Заинтересованная чѣмъ нибудь, я доставала сочиненія, въ которыхъ думала найти разъясненія. На молодыхъ людей Московскій Университетъ пятидесятыхъ годовъ имѣлъ благотворное дѣйствіе въ нравственномъ отношеніи: почти всѣ извѣстные мнѣ студенты тогдашняго времени, а также и сыновья мои, были неизмѣримо честнѣе небывшихъ въ Уни-

верситетѣ; они стыдились эгоистическихъ поползновеній, уважали самоотверженность и считали обязанностью человѣка приносить обществу пользу. Учености въ нихъ я не замѣтила. Я не говорю о математикахъ, потому что высшей математики не понимаю. А вообще о Русской учености я скажу слѣдующее. Русскіе ученые были не самостоятельны, а Русская наука безжизненна. Это я вывела не только изъ разговоровъ съ студентами, а изъ фактовъ болѣе крупныхъ. Разскажу вотъ что. Мой братъ, извѣстный Русскій математикъ, Николай Николаевичъ Алексѣевъ (онъ въ жизни интересовался только одной математикой и только одну ее и понималъ) держалъ экзаменъ на магистра и не выдержалъ. Честолюбивая сестра его была этимъ очень огорчена и всячески разжигала его самолюбіе, неослабно настаивая, чтобъ онъ написалъ что нибудь замѣчательное, и онъ написалъ что-то объ интегралахъ. Сочиненіе Алексѣева сдѣлалось извѣстнымъ на берегахъ Сены, Парижскій Университетъ прислалъ ему дипломъ доктора математики; тогда Алексѣевъ удостоился чести быть приглашеннымъ въ Русскую Академію Наукъ. Кажется, предварительно ему дали степень доктора и у насъ.

Жизненности нѣтъ въ Русской наукѣ, и оригинальныя сочиненія какъ будто переводы съ иностраннаго языка: или содержаніе ихъ чуждо Русской жизни и съ бо́льшимъ успѣхомъ могло бы быть разработано за границей, или методъ изслѣдованія и изложеніе отзываются Нѣмецкимъ пошибомъ. Русскія сочиненія или сырой матеріалъ, какъ, напр., Исторія Россіи Соловьева, или произведенія неувѣренныя и недосказанныя. Читаешь иностранное сочиненіе, напр., о воспитаніи или о психологіи, все понятно, полная система, къ какимъ бы результатамъ она ни приводила; читаешь Русское ученое сочиненіе, только и пользы, что возникаютъ новые вопросы. Полагая цѣлью своей жизни воспитаніе дѣтей, я постоянно задавала себѣ вопросы: гдѣ же истина, въ чемъ состоитъ прекрасное? Я хотѣла составить вѣрное понятіе о жизни и людяхъ. Работалъ мозгъ, трещала голова, а знаній нѣтъ какъ нѣтъ. Какъ это было ужасно!

Воспитаніе остальныхъ дѣтей. Ихъ было трое: два мальчика и одна дѣвочка. Послѣдней было 4 года, когда умеръ мой мужъ. Послѣ него остался домъ, купленный у Петра Васильевича Киреевскаго, четыре тысячи въ банкѣ и двѣ акціи страхового общества. Зять, получивши мѣсто врача на заводѣ въ Вятской губерніи, уѣхалъ съ женой и потребовалъ тысячу рублей, будто бы обѣщанную ему покойнымъ мужемъ. Я выслала. Вторую тысячу отдала дочери Катеринѣ, которая отправилась къ замужней сестрѣ. За двухъ сыновей платила въ Уни-

верситетъ; двое, на мой же счетъ, обучались въ Гимназіи. А съ дома, за покрытіемъ расходовъ, получала 200 рублей въ годъ. Нужно было жить очень скромно: я шила, мела комнаты, гладила бѣлье, даже стирала. Меня поддерживала мысль, что сыновья кончатъ курсъ въ Университетѣ, и мнѣ полегчаетъ. Третій сынъ былъ добрый мальчикъ, но съ больной головой; ему трудно было учиться въ Гимназіи. Онъ получилъ неудовлетворительный балъ изъ математики и долженъ былъ остаться на второй годъ въ томъ же классѣ. Намѣреваясь пригласить учителя, чтобъ онъ подготовилъ сына къ экзамену послѣ каникулъ, я обратилась за совѣтомъ къ зятю. А онъ, при Егорѣ, сказалъ, что это будетъ безполезной тратой денегъ, что Егору не по силамъ учиться въ Гимназіи. Мальчикъ воспользовался этимъ и самовольно пересталъ ходить въ Гимназію. Судьба его плачевна. Онъ поступилъ на службу въ Магистратъ и, будучи 19-ти лѣтъ, объявилъ мнѣ, что хочетъ жениться. Я старалась разъяснить нелѣпость этого желанія. Зять смѣялся. Старшій сынъ мой сказалъ, что поѣдетъ къ архіерею и будетъ просить воспретить вѣнчаніе, такъ какъ Егоръ несовершеннолѣтній. А Егоръ отвѣтилъ, что онъ станетъ стекла бить. Да я и на это согласилась бы, если бъ мы жили въ собственномъ домѣ; но домъ былъ проданъ, и мы нанимали бѣдненькую квартиру. Я была такъ растеряна, такъ убита, въ головѣ моей все перепуталось, и съ языка сорвалось: пусть нога твоя не будетъ въ моей квартирѣ. Егоръ нанялъ извозчика, забралъ свои вещи и уѣхалъ. Черезъ нѣсколько недѣль онъ вошелъ ко мнѣ. Лицо такое кроткое, невинно смотритъ на меня. Я и прежде не сердилась на него. И что жъ онъ сдѣлалъ? Такую же глупость, какъ и многіе. Развѣ онъ понималъ, что бракомъ онъ губитъ и себя, и меня? Я привелъ свою жену, сказалъ онъ; позвольте ей войти. Я приняла ихъ и отъ послѣднихъ крохъ удѣляла имъ каждый мѣсяцъ на содержаніе. Они страшно бѣдны, оба трудятся, оба честны. Простота и доброта, но такимъ людямъ нѣтъ мѣста въ Россіи. У насъ нѣтъ и хищныхъ натуръ, о которыхъ говоритъ Левъ Толстой, а есть только мелкіе мошенники... съ крупными капиталами.

Сынъ мой Филиппъ былъ даровитъ: онъ очень хорошо учился въ Гимназіи, по недостатку денежныхъ средствъ не кончилъ курса въ Университетѣ, участвовалъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, написалъ большое сочиненіе о пчелахъ, которое никому не было нужно (вотъ она, оторванность отъ жизни) и умеръ въ Петербургѣ съ голоду.

Маша родилась слабенькой. Я отдала ее въ новоучрежденную Гимназію; но дальность разстоянія изнуряла ее: изъ опасенія совер-

шеннаго разстройства ея здоровья, я прекратила ея занятія въ Гимназіи. Дальнѣйшее воспитаніе ея, при моемъ безсиліи, совершалось подъ вліяніемъ разныхъ людей и обстоятельствъ. Это безсиліе прежде всего произошло отъ моего бѣдственнаго состоянія въ денежномъ отношеніи. Послѣ продажи дома, я обратилась къ Михаилу Петровичу Погодину за совѣтомъ, какъ распорядиться деньгами, такъ какъ положить ихъ въ Опекунскій Совѣтъ, вслѣдствіе предполагавшейся реформы его, оказывалось очень невыгоднымъ. Въ то время Кокоревъ, въ ряду разныхъ предпріятій, проводилъ желѣзную дорогу между Волгой и Дономъ. Михаилъ Петровичъ самъ взялъ у Кокорева нѣсколько акцій общества Волжско-Донской желѣзной дороги, посовѣтовалъ и мнѣ сдѣлать тоже. Предпріятіе не удалось, проценты перестали выдавать, а акціи упали со 100 рублей на 45. Страшное тогда было для меня время! По приглашенію зятя, я пріѣхала къ нему въ Полтаву. Въ матеріальномъ отношеніи я получила удовлетвореніе, но въ нравственномъ подавлена. Здѣсь Маша подпала подъ вліяніе старшей сестры. Люди не ищутъ истины и прекраснаго, а признаютъ за то и другое образы и направленія, которые случайно впервыя удовлетворили ихъ чувствованія. Жоржъ-Зандъ обольстила Наташу. Она дальше и не пошла, тогда какъ сочиненія этой писательницы вовсе не представляютъ идеала женщины, а только одинъ изъ выходовъ изъ рабскаго, безсмысленнаго состоянія ея, и притомъ самый скверный. Чтеніе Жоржъ-Занда, а потомъ нашего Тургенева сильно развивали въ молодежи и безъ того присущее многимъ стремленіе къ чувственной любви; оно до такой степени отуманивало головы, что совсѣмъ невысокое, а очень обыкновенное, низменное чувство возвысили до идеальнаго. А вина не въ писателяхъ, а въ неумѣньи читать: большинство читаетъ не для того, чтобъ обогатить умъ новыми познаніями, психологическими или иными какими-нибудь, а для того, чтобъ найти подтвержденіе пріятнымъ заблужденіямъ, подкрѣпить прежнія идеи свои и успокоиться. Я совершенно расходилась съ Наташей во взглядѣ на призваніе женщины. Я уважала любовь дѣятельную, просто сказать, полезную; а она была заражена, такъ называемыми Жоржъ-Зандовскими идеями. Эта зараза распространилась и на Машу. Да произошло еще худшее: разность взглядовъ произвела охлажденіе между Наташей и мной, а за этимъ послѣдовалъ разладъ между мной и Машей. Моему воспитательному значенію былъ нанесенъ непоправимый ударъ. И такъ, опять моя ошибка: я убѣжала изъ Москвы отъ нищеты, а подвергла себя страшной отвѣтственности за сближеніе сестеръ. Маша отстранилась отъ меня, мои разговоры не нравились ей: она начала своевольно уходить изъ дому. Ходитъ одна по городу, а я мучаюсь, не случилось ли съ

ней что нибудь. Дѣвочка слабая, нервная. Скажу что-нибудь не по ней—обморокъ. Зять съ женой кричатъ, что жестоко поступаю съ Машей. Его перевели инспекторомъ врачебной управы въ Ковно. Съ сокрушеннымъ сердцемъ и я поѣхала. Тамъ лѣчилъ Машу и другой докторъ; но обмороки стали чаще и продолжительнѣе. Стало выясняться, что она томилась бездѣйствіемъ. Въ это время было произнесено слово «эманципація». Слово произнесли, а сферы свободной дѣятельности не оказалось: не изъ Русской жизни вышло это слово, и много ему было принесено человѣческихъ жертвъ. Въ основѣ эманципаціи женщины лежитъ честная идея; но осуществленіе ея у насъ сопровождалось такими пріемами, которые могли совсѣмъ погубить ее: короткіе волосы, мужская шляпа, наглость и самообольщеніе. Мнѣ было ясно, что Машу нужно было увезти; но куда же дѣться? Помогъ случай. Въ Ковно пріѣхалъ, по дѣламъ, сынъ моей сестры. Она была вдова и бѣдно существовала въ Петербургѣ, со взрослыми дѣтьми, на средства своего сына. Племянникъ былъ у насъ и на другой день возвращался въ Петербургъ. Съ этой сестрой у меня не было ничего общаго, мы даже не переписывались; жить у нея нельзя было ни на какихъ условіяхъ, а кромѣ нея въ Петербургѣ не было ни одного знакомаго. Но мнѣ нужно было ѣхать; племянникъ уѣхалъ, вотъ и я поѣхала. То ли, что я обрадовалась устраненію дочери отъ дурного вліянія, или измученной душѣ пріятны воспоминанія дѣтства, а пять дней, проведенныхъ въ семьѣ сестры, были отраднѣйшими днями въ моей жизни. Въ разговорахъ съ сестрой воскресла наша счастливая молодость. Мы хохотали съ утра до ночи, какъ дѣти. Племянницы говорили, что онѣ отъ роду не видали свою мать такой оживленной. А мое счастливое настроеніе омрачалось мыслями о Машѣ. Для нея нужно было отыскать дѣятельность. Въ Москвѣ жила другая сестра моя, бывшая институтка, съ братомъ-математикомъ. Она предложила мнѣ остановиться у нея на время, до устройства на собственной квартирѣ. Я провела у нея два мѣсяца. Сестра давала Машѣ уроки, приходилъ и сынъ Филиппъ заниматься съ ней, но за деньги, въ силу новыхъ отношеній между отцами и дѣтьми. И сестра, и я замѣчали, что не этого нужно Машѣ: она стремилась къ какой-нибудь дѣятельности. Тогда была мода на типографіи. Какъ ни было мнѣ страшно, какъ ни казались занятія въ типографіи черной работой, скрѣпя сердце, съ затаенными мученіями, я согласилась на занятія Маши въ типографіи. Но у нея не хватило физическихъ силъ. Она проработала только три мѣсяца, а я это время горѣла какъ въ огнѣ. Бѣдная дѣвочка! Какъ ей было тяжело, тяжело нравственно! Какъ смотрѣли на нее, на честную и гордую! Вѣдь я все понимала, понимала болѣе, чѣмъ она сама. А какая масса дѣву-

шекъ прочувствовала все это! И у называющихъ себя людьми нѣтъ сочувствія! Забуду о нихъ поскорѣе.

Мой любимецъ. Это мой первый сынъ. Въ немъ полнѣе и рѣшительнѣе, чѣмъ въ другихъ сыновьяхъ, выразились основныя черты моего характера—честность и гордость. Въ сдѣлку съ своею совѣстью онъ никогда не вступалъ. Никакія личныя выгоды не измѣняли его взгляда на неправду, и смѣло онъ обнаруживалъ ее, не взирая ни на какія пагубныя для себя послѣдствія. Сначала онъ давалъ уроки въ частныхъ домахъ, потомъ поступилъ въ Уголовную Палату. Индѣйца, привезшаго два сундука съ драгоцѣнностями, нашли мертвымъ въ гостинницѣ. Началось дѣло. Оно переходило изъ одного стола въ другое, какъ доходная статья для чиновниковъ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ выросли домики въ разныхъ концахъ города; сундуки опорожнились отъ сокровищъ, а дѣло такъ запуталось, что не отличить праваго отъ виноватаго. Тогда оно поступило къ Николаю. Онъ обнаружилъ правду. Но этого-то и не было нужно. Ловкимъ манеромъ, въ присутствіи, при докладѣ, Николая вывели изъ терпѣнія и раздражили до такой степени, что онъ произнесъ неосторожныя слова. Предсѣдатель и, кажется, одинъ изъ членовъ были очень расположены къ Николаю; но оскорбленная куча чиновниковъ не могла допустить, чтобъ оставался среди нихъ честный человѣкъ. Въ другомъ судебномъ учрежденіи съ нимъ поступили еще ловчѣе... Но я не пишу исторію его жизни, а потому ограничусь приведеннымъ случаемъ. Основныя свойства его характера, честность и гордость, принесли ему много горя. Честность оказалась непужной и вредной для общества, а гордость была элементомъ, отталкивающимъ отъ него все неоднородное. Были люди, которые уважали его; но вѣдь и они были страдальцами. Я хотѣла дать Николаю иное назначеніе: мечтала, что онъ будетъ образованнымъ архіереемъ. Вышло только то, что онъ не женатъ.

Машѣ въ Москвѣ дѣятельности не нашлось: мы поѣхали къ Николаю. Положеніе наше не улучшилось; а такъ какъ его состояніе было тоже не цвѣтущее, то, пробывши восемь мѣсяцевъ, мы простились съ Николаемъ.

Неженивый печется о Богѣ, а женивый печется о женѣ. Второй сынъ давно звалъ меня къ себѣ. Онъ былъ женатъ, служилъ въ Минской губерніи и арендовалъ казенное имѣніе. Я надѣялась, что Иванъ своимъ вліяніемъ на Машу поможетъ мнѣ. Но мнѣ горько было разстаться съ Николаемъ, такъ горько, что, плывя по Днѣпру на пароходѣ, приходило въ голову броситься въ рѣку. Чрезъ тринадцать дней

ужаснаго путешествія, въ обществѣ Евреевъ, мы пріѣхали въ земной рай: барскій домъ въ двѣнадцать комнатъ, на горѣ небольшой паркъ, за домомъ фруктовый садъ, масса нежилыхъ построекъ. Я никогда не жила въ такомъ довольствѣ. По совѣту врача, въ бывшей пекарнѣ устроили душъ для Маши. Сынъ очень обрадовался нашему пріѣзду. Красавица жена совсѣмъ не знала меня. Она добрая женщина, но увлекающаяся и вспыльчивая; въ ней сказался Французскій характеръ отца. О бракѣ я имѣю особое понятіе, не такое, какъ другіе. Это дало поводъ къ разногласію съ невѣсткой. Вообще, на тещу смотрятъ какъ на причину раздора между мужемъ и женой, и невѣстка рѣдко уживается съ тещей. Я ничего не имѣла противъ жены сына, но она вообразила, что, по моему мнѣнію, другая была бы лучшею женой. Ни тогда, ни тэперь я не признаю такое мнѣніе основательнымъ. Никакія увѣренія мои не произвели на невѣстку благодѣтельнаго дѣйствія, потому что нѣтъ ничего мудренѣе, какъ разговаривать съ предубѣжденнымъ человѣкомъ. Я не виню ея: у нея было шесть человѣкъ дѣтей и предстояла труженическая жизнь. Матеріально я не обременяла ея, но нравственно она могла быть недовольна мной. Нужно было уѣхать. Послѣ тринадцатимѣсячнаго пребыванія у нихъ, мы поѣхали опять къ Николаю. Иванъ былъ очень огорченъ необходимостью разлучиться и вскорѣ заболѣлъ. А я съ Машей совершила не только непріятное, но даже опасное путешествіе; до парохода сорокъ верстъ пришлось плыть въ душегубкѣ, въ которой помѣстилось только четыре человѣка. Я была равнодушна ко всему, и ничто не пугало меня. Когда я пріѣхала къ Николаю, я была такъ измучена, что ничего не соображала и ничего не могла предпринять относительно Маши. Николай распоряжался и совѣтовалъ.

Жизнь гаснетъ. Въ Малороссіи Маша вышла замужъ, и моя воспитательная дѣятельность кончилась, а эту дѣятельность я только и считаю призваніемъ замужней женщины, у которой есть дѣти. На что-нибудь другое я ужъ была неспособна.

Припоминая свою жизнь, спрашиваю себя: что же я сдѣлала? У меня была цѣль, состоявшая въ томъ, чтобы, посредствомъ образованія, сдѣлать дѣтей независимыми, т.-е. счастливыми. Я не ждала, чтобы достиженіе цѣли произошло само-собою; боролась, боролась на сколько хватало силъ. А цѣль не достигнута! Въ чемъ же я виновата? Развѣ моя цѣль была преступна, т.-е. несогласна съ закономъ природы, или съ законами человѣческаго общества? Но я остаюсь съ убѣжденіемъ, что человѣкъ долженъ быть счастливъ на землѣ. Слѣдовательно, у меня

не достало средствъ для достиженія цѣли и совсѣмъ не тѣхъ средствъ, которыя обыкновенно считаютъ самыми важными или единственно необходимыми — матеріальныхъ. Не отрицая значенія ихъ для всякаго дѣла, не признаю исключительной необходимости ихъ. Эти средства, при умѣ и энергіи, добываются; но не добывается, при самыхъ серіозныхъ одинокихъ усиліяхъ, желательная зрѣлость общества. Я виновата въ томъ (безобиднѣе будетъ сказать), что не имѣла сочувствія общества.

Послѣ замужества Маши, нѣсколько лѣтъ продолжалась моя странническая жизнь. Я отдыхала въ Петербургѣ у сестры Алексѣевой. Она умерла; а брата ея, математика, родные отговорили пріютить меня. Была на Кавказѣ у Николая, провела нѣсколько мѣсяцевъ у Ивана, въ Гроднѣ и, наконецъ, поселилась у Маши.

Нѣтъ цѣли существованія! Иногда блеснетъ лучъ, да и погаснетъ.

*

Прасковья Николаевна Татлина скончалась 5-го Января 1899 года въ г. Лубнахъ, Полтавской губерніи. Отпѣвали ее въ церкви во имя Всѣхъ Святыхъ и похоронили подлѣ церкви, рядомъ съ могилой послѣдней ея дочери Марьи.

(*Сообщено И. П. Татлинымъ*).